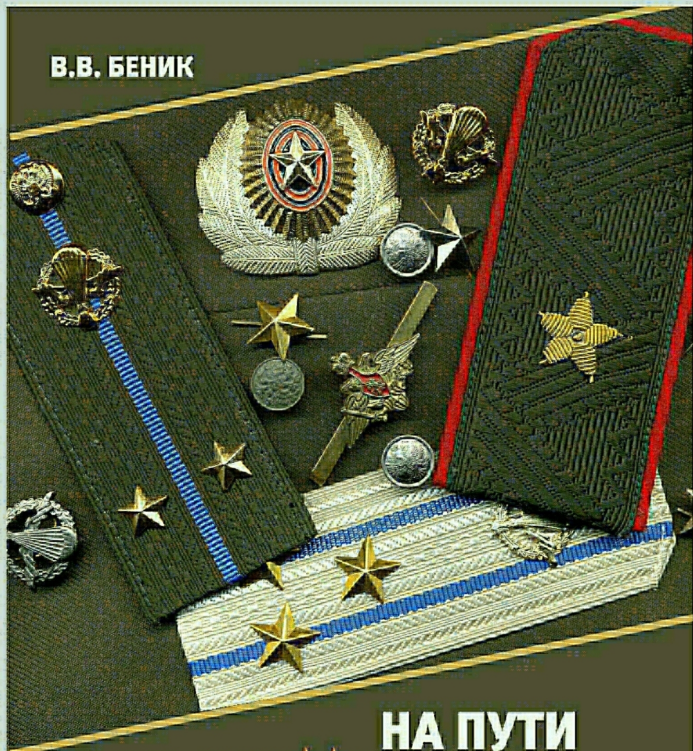

В.В. БЕНИК

НА ПУТИ К ЗВЕЗДАМ

ИСПОВЕДЬ ТЫЛОВОГО ГЕНЕРАЛА

РАССКАЗЫ

16+

Виктор Владимирович Беник
На пути к звёздам. Исповедь
тылового генерала.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24646425

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-532-12650-3

Аннотация

Книга «На пути к звёздам» – это сборник рассказов о людях, связавших свою жизнь с военной службой, о их отношениях, а также о жизненных ситуациях, в которых они оказываются. Читателю предлагается взгляд изнутри на жизнь такого сложного организма, как Вооружённые Силы. В книге открыто, без ретуши и прикрас повествуется о закулисных проблемах, с которыми ежедневно сталкиваются офицеры, и о которых ранее было не принято говорить, описываются факты, правда о которых не оставит читателя равнодушным, способна перевернуть представления и взгляды на события, происшедшие в конце двадцатого века...

К читателю.

Каждый из нас, идя по жизни, стремится покорить возделенную образную вершину. И не важно какой высоты, у всех она своя. Мы с раннего детства, в зависимости от окружающей среды, формируем свои желания, взгляды и пристрастия, определяем, чего же мы хотим иметь сегодня, завтра, через месяц, год, десятилетие... Для человека взрослого, что конкретно иметь – вопрос исключительно личный, всё зависит от меры испорченности каждого индивидуума. В любом случае понятие «иметь» трансформируется в некую цель бытия, которая может быть сиюминутной, кратковременной и даже низменной, а может быть благородной, с далёким прицелом, высокой...

В общем, если отвлечься от попытки пофилософствовать, а выразиться простым, не напрягающим заумностями сознание большей части читательской аудитории, языком, можно с уверенностью сформулировать прописную истину – «У каждого своя цель в жизни!».

Дабы не свалиться в дебри теории целеполагания, скажу лишь то, что материальное выражение цели может быть весьма разнообразным, например, финансовое благополучие или карьера. Естественно, это самые распространённые стремления в жизни человека. И всё-таки, хоть и реже, но, не менее важными могут быть и такие, как банальное выживание

в конкретно сложившейся обстановке или здоровье, счастье и процветание ближнего своего.

На эту тему дискутировать можно бесконечно. Для человека с неким багажом опыта за плечами, жизненные устремления в целом понятны, а соответственно, не представляют особого интереса. Важно в этом вопросе другое – как каждый из нас идёт к своей заветной цели, на что человек способен и готов для её достижения. Вот тут-то мы и проявляем свои индивидуальные глубинные, иногда скрытые до поры до времени, качества, от глупой, трусливой, патологически-ленивой тупости, до живого, яркого, подвижного, пытливого, не боящегося преград и ответственности, способного горы свернуть, деятельного ума. От лживой, подленькой меркантильности, до честной, благородной бескорыстности. От бессовестного, слепого эгоизма, до всеобъемлющей человечности и тончайшей чуткости к людям. Диапазонов «от» и «до» безмерно много, как различных настроек на современном пульте звукорежиссёра в театре. Вот так, регулируя в разных регистрах звучание, чего-то больше, чего-то меньше, и создаётся единственный, неповторимый тембр. Именно это эксклюзивное «звучание» натуры человека на пути к, им же самым определённым вершинам, и представляет особый интерес...

Так сложилось, что одной из моих жизненных целей была карьера военного. Божьим проведением мне выпала великая честь, пройти нелёгкий и, далеко не самый короткий, но, всё

же счастливый и успешный путь от курсанта военного училища до генерала. С начала, находясь в стенах военного училища, я вместе со своими однокашниками стойко и терпеливо переносил тяготы и лишения военной службы на пути к лейтенантским звёздам. Потом была многотрудная, не всегда однозначная, но, уверен, нужная стране и соотечественникам, служба в офицерском звании. И опять, стремление и ожидание новых звёзд, не вселенских, конечно, а капитанских, майорских, полковничьих, вплоть до генеральских. В общем, совершенно определённая часть моей жизни, образно представляется как путь к звёздам. И это был мой, понятный и известный только мне до мелочей путь. Как я его прошёл? Не мне судить. Одно могу с уверенностью сказать, всегда был честен перед собой и перед окружающими меня людьми. Насколько это было взаимно, могу лишь предполагать, но, думаю, что в основном взаимно. А иначе и не было бы генерала...

В представленной Вам, Дорогой Читатель, книге, я не ставил себе цель рассказать о своих «подвигах» и успешной службе. Каждый из нас может извлечь из потаённых уголков памяти множество историй и ситуаций происходивших с нами в жизни. Историй поучительных и не очень, весёлых и грустных, захватывающих и скучных. Разных. Вопрос только в желании донести их до широкой аудитории. И ещё, немаловажный фактор – надо понимать, для чего это делать.

Находясь уже в новой ипостаси – отставного генерала, за-

хотелось поделиться своим жизненным опытом, но, рассказав не о себе, а о людях, с которыми меня свела жизнь. При чём, рассказать просто, по-свойски, как за дружеским столом или сидя на завалинке, без ретуши и идейной выхолощенности. Смею надеяться, что мои незамысловатые повествования заставят кого-то задуматься, кого-то улыбнуться или удивиться. Возможно кто-то, прочитав книгу вспомнит свою молодость, а кто-то узнает другую, оборотную, неизвестную широкой аудитории, сторону военной службы.

И так, о людях. Людях, повстречавшихся на моём пути к звёздам...

Курсантский трактат...

Ульяновскому Высшему Военно-техническому училищу имени Богдана Хмельницкого, командирам, учителям и одноклассникам, а также всем тем, кто лучшие годы юности провёл в курсантских погонах...

*Курсант – Колоссальная Универсальная Рабочая Сила,
Абсолютно Не желающая Трудиться
(Из фольклора)*

Жизнь казарменная...

Для справки:

Казарма – специально оборудованное помещение для размещения воинских подразделений и совместного проживания военнослужащих, включает в себя спальное расположение, умывальник, туалет, бытовую комнату, канцелярию для офицеров, кладовую для хранения личных вещей, оружейную комнату, комнату досуга (ранее – Ленинскую комнату). Здание казармы может быть, как одноэтажным, так и многоэтажным, в большинстве случаев это типовые строения. На каждом этаже, в зависимости от численности, как правило, располагается одно подразделение – рота или батарея, средней общей численностью до ста человек.

Современные казармы называются общежитиями и больше похожи на бюджетную гостиницу. Здесь уже другой набор помещений. К ранее указанным, добавились учебные классы, комнаты для занятия спортом, душевые, постирочные. Да и живут военнослужащие теперь не в общем расположении, а в комнатах по два – четыре человека.

Так какова же жизнь в казарме? Для ответа на этот вопрос необходимо понять сущность этой жизни, а точнее сущность тех, кто в ней живёт. Что такое курсантская рота? Это подразделение, которое формируется при зачислении абитуриентов в училище, продолжающее своё существование четыре – пять лет, вплоть до выпуска. По своему составу, в большей степени, это вчерашние выпускники школ. Конечно, есть ребята, поступившие на учёбу, отслужив какой-то

срок в армии, и по этой причине имеющие больше жизненного и военного опыта. Однако, таких меньшинство, да и за годы совместной учёбы и службы все преимущества стираются. Представьте себе коллектив, состоящий из молодых людей – мужчин, имеющих единую цель, и, при этом, делающих всё вместе. Вместе учатся, вместе метут дороги и чистят снег, вместе занимаются спортом, вместе едят, спят, опять же в одном месте, вместе в караул заступают, вместе уголь разгружают, вместе ходят в кино и на танцевальные вечера, на плацу строем шагать и песни петь – снова вместе. И даже получить по загревку от местной шпаны за компанию, заодно с однокашником, а потом, собравшись с силами, отлупить как следует распоясавшихся хулиганов, проучив их тем самым, тоже вместе. Никто не побежит прятаться и не бросит товарища! Всё вместе! И вот это «Вместе» формирует особенный, не похожий ни на что, одновременно жёсткий и сплочённый коллектив, в котором нет места фальши и где каждый член сообщества прозрачен, чист и понятен для всех. Здесь можно стать всеми уважаемым героем, общепризнанным лидером, а можно превратиться в объект насмешек и шуток, различной степени юмора – от добрых и по-товарищески безобидных, до злых и жёстких. И много, ох как много зависит от реакции человека на эти шутки и розыгрыши.

В общем, жизнь казарменная, как бы это не показалось странным, совсем не скучная. В меру серьёзная, в меру весёлая, в меру монотонная и в меру разнообразная. А в конеч-

ном итоге, всё зависит от жителей...

Эффект хлястика.

– Сынок, ты зимой ходишь в своей шинельке. Тебе не холодно?

– Да что ты, Батя, она же шерстяная!

– Ну, дак, летом я видел, то же в ней ходишь. Не жарко?

– Да нет, конечно, она же без подкладки...

Старый анекдот.

Старый солдат царской армии помогал знатной даме переносить вещи. По завершении дела она, прощаясь, протянула ему руку для поцелуя. Тот непонимающе уставился на неё:

– Чего изволите?

– Фу, темнота деревенская! Видишь разрез на перчатке? Вот сюда надо поцеловать!

Солдат целуя:

– Сколько лет служил, а только сейчас понял, зачем у шинели разрез сзади...

Старый анекдот.

Что такое шинель? Ответ очевиден – предмет военной формы одежды. Причём, предмет, форма и сущность которого не менялись лет двести – двести пятьдесят. Кто носил или хотя бы видел сие одеяние, тот знает, сзади, на спине у

шинели делалась большая складка, ниже переходящая в разрез – отголосок кавалерийского прошлого. Что бы эта складка не разъезжалась на уровне талии на двух пуговицах пристёгивался хлястик. Если хлястик на месте, то шинель выглядела на хозяине очень даже презентабельно, если же нет, то одежда приобретала вид бесформенного балахона.

Курсанту шинель давалась одна на два – три года. В ней он стоял на посту, маршировал на парадах, ползал «по-пластунски» на занятиях, в ней же ходил в увольнение и на свидание к любимой девушке. Всё в ней! Стоит ли говорить о важности этого предмета в жизни военного?

Курсант шинель берёг, холил и лелеял, чистил, гладил. Не обошла её стороной и казарменная мода. Чтобы складка на спине не расходилась и выглядела аккуратно, её зашивали и заглаживали. Ещё подрезали полы снизу. В результате этого шинель становилась похожа на приличное пальто. Но, эти безобразия зорко отслеживались комендантами гарнизонов. Некоторые из этой «высокоинтеллектуальной плеяды» несостоявшихся командиров даже носили с собой специальные футлярчики с лезвием. Для чего? Для того, чтобы «распускать спинки» нарушителям формы одежды! Ну а уж если несчастный военный попадётся с укороченной шинелью, то тут и на гауптвахту определить можно и деньги высчитать за умышленную порчу казённого имущества. В общем, как не крути, а шинель вещь важная!

В казарме шинели обычно висели в одном месте, недалеко

от выхода, в специальных встроенных шкафах, обязательно левой стороной, на которой нашиты шевроны и курсовки, к расположению. Задачей дневальных и назначенных уборщиков было выравнивание рукавов так, чтобы все нашивки находились строго на одном уровне, тем самым создавая яркие ровные полосы. Красиво висящие шинели – признак порядка в подразделении!

Даже самый идеальный и образцовый порядок не гарантировал от возникновения одной специфической проблемы – в подразделении с устойчивой периодичностью на одной из шинелей пропадал хлястик. То ли он терялся, то ли его кто-то крал, доподлинно не известно, но факт оставался фактом. Конечно, в мировых масштабах это ни чего существенного. Но вот как быть тому бедолаге, у которого нет хлястика. Ни в строй встать, ни в увольнение пойти. Что делать? Выход один – позаимствовать у товарища. Но товарищу тоже хлястик необходим. Как же без него? И он заимствует у другого товарища. И так по кругу. Обычно страдает самый нерасторопный. Это как игра со стульями, когда на пять игроков четыре стула и тот, кто по команде ведущего не успевает занять место – выбывает из игры. Так и с хлястиком. Объявили построение роты, все устремляются к шкафам, одевают свои шинели и в строй. А один, зазевавшийся мечется в опустевшем расположении, шарахается, что-то ищет. ... Ищет пропавший хлястик! Так продолжается до тех пор, пока кто-то из страдальцев не посетит соседнее подразделение. После

визита «дружбы» хлястик ищут у них, потом в другой роте, в третьей, и так по всему училищу. Но, через некоторое время проблема непостижимым образом возвращается – бесследно исчезает один хлястик...

Майна.

В Ленинской комнате царил необычайное оживление, там проходил шахматный турнир местного масштаба. Само по себе событие заурядное, но только не в этом случае. В этот день курсант Володя Попов проводил сеанс одновременной игры на трёх досках. Конечно, играть на трёх досках не велико достижение, если не учитывать одно обстоятельство. Володя сидел спиной к соперникам, голосом давая команды своему напарнику и другу – Виталику Триголосу, который передвигал фигуры на досках. Ну, типа – «Пешка Е2 – Е4». Три соперника напротив, не только видели игру, но и имели возможность советоваться с товарищами. Играли не просто так, а на интерес – обед в офицерской столовой на две персоны. Борьба развернулась не шуточная, но всё же, коллективный разум... проиграл «слепому» шахматисту. На всех трёх досках Попов одержал убедительную победу, выиграв тем самым три обеда для себя и своего друга – Виталика. Принимая поздравления Володя, торжествуя, выкрикивал: – Майна! ... Вперёд, Майна! ... Ха! Три обеда!

Майна – это его Родина, небольшой районный городок в среднем Поволжье. Майна для Попова был и боевой клич,

и выражение радости и ликования. Его так и звали в роте – Вова Майна.

Володя Попов, выросший в учительской семье, слыл в курсантской среде эдаким интеллигентом – интеллектуалом. Имел широкий кругозор, в шахматах, шашках и отгадывании кроссвордов ему не было равных. Была у Володи одна слабость – он до помрачения сознания любил футбол. Нет, играл неважнецки, но был болельщиком. Причём, болельщиком фанатеющим! И была у него любимая команда – Спартак. И любовь эта, порой выражалась в гипертрофированной форме.

Как-то Володя простыл и с воспалением лёгких попал в санчасть. Лечение двигалось своим чередом, дело шло к выздоровлению, но вот беда – медицинские процедуры часто совпадали с трансляцией финальных футбольных матчей чемпионата страны. И вот, в один прекрасный вечер играл Спартак. В фойе лазарета, у большого цветного телевизора полукругом, в два ряда расположились больные – любители футбола. А набралось их человек двадцать. Трансляция началась, играли Спартак и ЦСКА. Матч обещал быть интересным и зрители, увлекшись игрой, позабыли о лечении. Они то восхищались игрой, то критиковали игроков или судью, хлопали в ладоши, чертыхались. В общем, всё как обычно на футбольном матче, только в масштабах маленького медицинского учреждения. И тут мужскую идиллию нарушил громкий женский голос:

– Попов, на банки! – скомандовала медсестра, – Давай, давай, некогда мне тут ждать с вашими футболами.

– А можно потом? – попытался оказать сопротивление Володя, – Spartak же...

– Так, – перебила его медсестра, и пригрозила, – Я сейчас начальника позову! Быстро в кровать! Кому сказала?!

Поняв, что сопротивление бесполезно, Попов, понуриив голову, поплёлся в палату:

– Мужики, сделайте погромче, чтоб в палате слышно было, – и уже медсестре, – дверь не закрывайте, пожалуйста.

... Володя лежал в кровати с банками на спине. Уткнувшись лбом в сложенные замком руки, закусив угол подушки, он плакал. А как же не плакать – как только он лёг в кровать, Spartaku забили гол. Через открытую дверь доносились отзвуки футбольной баталии. И тут, о радость, Spartak сравнивает счёт! Попов выпустил изо рта подушку, слёзы моментально высохли. Он, весь подрагивая от нетерпения как стоялый жеребец, посмотрел на часы, – «Сколько ещё лежать?». В палату зашла медсестра, принялась было снимать банки, как вдруг Spartak забил гол в ворота ЦСКА. Это уже победа! Володя подпрыгнул на кровати, одеяло полетело в сторону. Он вскочил и опрометью кинулся к двери. Выскочив из палаты, сиганул через сидящих на стульях зрителей, перелезев через «трибуны», приземлился на колени, вскинул руки вверх и неистово заорал:

– Ма-ай-йна-а! Го-о-ол! Spartak – чемпион! Майна! – об-

нял телевизор и начал целовать экран.

Банки отвалились, рассыпались по полу, на спинет осталась одна. В дверях палаты, держа одеяло в руках, стояла, онемевшая от происходящего, медсестра...

Друг Володи – Виталик Тригонос был не столь щедро одарён интеллектуальными способностями, но, компенсировал это завидным упорством и целеустремлённостью. Кроме того, он также как и Попов фанател футболом. Правда, с одной существенной разницей – его любимой командой был ЦСКА. На этой почве друзья и сошлись, на ней же и бурно спорили, и ссорились, и опять мирились. Они настолько сдружились, что везде и повсюду были вместе, как сиамские близнецы, были, как говорится «Не разлей вода». Так продолжалось до тех пор, пока в одном из матчей сборная страны не потерпела сокрушительное поражение. Друзья сильно расстроились и, как часто бывает в таких случаях, начали теоретический поиск источника проигрыша. Володя обвинил игроков из ЦСКА, а Виталик – из Спартака. Слово за слово, дело в споре дошло до личных оскорблений. Ну, типа «Спартак – мясо» или «ЦСКА – кони». Такой обиды не могли вынести оба и на дружеском интеллигентном совете решили разрешить конфликт посредством сатисфакции. В общем, товарищескую драку назначили на ночное время, чтоб посторонние не мешали.

Примерно в час ночи, оба поднялись с кровати и, как были в трусах и майках, отправились в бытовую комнату. Прав-

да, перед этим обулись, один в сапоги, другой в ботинки. Войдя в помещение, прикрыли за собой дверь, стали друг напротив друга, постояли, набывчившись, и, молча приступили к выяснению отношений. Сначала Володя удачно с левой заехал Виталику в правый глаз. Виталик ответил тем же и тоже удачно. Они разошлись в стороны, ещё погарцевали, как заправские рукопашники.

– Майна! Взвизгнул Попов и бросился на Триголоса.

А тот как будто и ждал этого. Они одновременно ударили друг друга ногами в пах. Оба попали, один сапогом, другой ботинком. Оба схватились за ушибленные места, скрючились и, сдавленно воя, повалились на пол.

На шум в помещение вбежал дежурный по роте и дневальный. Бойцы со стонами и проклятиями катались по полу, держась руками за больные места. Вызвали врачей. С большим трудом, совместными усилиями у одного и другого оторвали ладони от болячек. Там, куда попали, один сапогом, другой ботинком, у обоих всё посинело и раздулось до страусиных размеров...

В госпитале их положили в одну палату, койки рядом. Так они и лежали, с синяками под правым глазом, растопырив ноги и мирно беседуя. Володя и Виталик остались друзьями, но о футболе больше не говорили никогда...

Северные похождения.

Воскресный вечер. В роте переполох. Не пришёл из уволь-

нения младший сержант Серёга Соловьёв. Всегда пунктуальный и дисциплинированный человек пропал. После недолгого разбирательства выяснилось, что никто в подразделении не знает, куда он собирался и с кем встречался. В общем, оставалось только ждать.

Часа в два ночи в роту позвонили с КПП, там появился, избитый до неузнаваемости, Соловьёв. Его привели в казарму. С сине-лиловым отёком на пол лица, испачканной в грязи и крови одежде, Серёга, шамкая разбитыми губами, поведал свою историю...

А дело было так. Соловьёв проводив до дома знакомую девушку, с которой провёл вечер, пришёл на трамвайную остановку. Время было предостаточно, училище не далеко, трамваи ходили исправно, ни что не предвещало беду. Он стоял и с умилением вспоминал прошедший вечер. Как вдруг, из ближайшего закоулка вышла группа молодых людей, человек пятнадцать, и направилась к остановке. Причём, прямоком к Серёге.

– О, Сапог! – завопил один из них, – Пацаны, сма-ари, курса-ач.

– Ага, – уже подойдя ближе и обращаясь к Соловьёву, громко, сказал другой, – О, четвёртый курс, скоро лейтенантом станешь, будешь над простыми солдатами издеваться.

– А получи авансом, сука – крикнул третий и, бросившись вперёд, попытался ударить Серёгу.

Тот увернулся и умудрился дать тумака вдогонку напа-

давшему. Толпа, как разъярённая шакалья стая, повизгивая и подвывая кинулась на свою жертву. Конечно, пятнадцать человек смяли, снесли одного, начали его пинать, матерясь и проклиная «офицерё». Через несколько минут, насытившись, стая побрела дальше. Серега, какое-то время лежал в забытии. Мимо проезжали трамваи, проходили какие-то люди, но ни кто не обратил внимания на валявшегося в грязи военного. Очнувшись, отдышавшись, Соловьёв пошёл в училище пешком, как мог...

Следующие несколько дней прошли в непрерывных обсуждениях случившегося. Народ негодовал. Как так? Курсанта, не за что отпинали и бросили в грязи! Через знакомых навели справки. Оказалось, что эта компания давно будоражит Северный район города, обитает, в основном, в парке за кинотеатром. Самые горячие головы требовали справедливого возмездия. Ситуацию подогрело известие из параллельной роты, у них в том же районе, в аналогичной ситуации, пострадал курсант. На вечернем собрании «актива» решили провести акцию, которую назначили на ближайший выходной...

В оговоренное время, все, кто был в увольнении, начали собираться у кинотеатра. Остальная часть роты, под видом культурно-массового мероприятия – похода в кино, строем, под командой старшины прибыла туда же – на «Север». На месте распределились на группы, определились, кто с какой стороны заходит, кто выставляет заслон. Окружили сквер и

пошли...

... Били, практически, всех подряд, в самом центре парка нашлась и та злосчастная компания. Шпана есть шпана, увидев столь грозную силу, пацанва бросилась врассыпную. Но где там! Все ходы и выходы были перекрыты. Молотили их качественно, от души, но, соизмеряя силу. В общем, чтобы было больно, обидно, запомнилось на долго, но вреда здоровью не причиняли. Так цепью прошли весь парк. Народ в ужасе разбежался, кто-то вызвал милицию. Рядом с одним из выходов, в кафе гуляла свадьба. Видно местные мужики, бывшие там, решили заступиться за своих земляков. В итоге, разгорячённые дракой курсанты разогнали и свадьбу...

Завыли сирены, завертелись синие фонари на крышах милицейских машин. Пора было уходить. Все дружно подошли к месту сбора, построились и, так же организованно как пришли, выдвинулись в обратный путь. Вернулись благополучно, потерь не было, за исключением нескольких фуражек. Последнее обстоятельство было весьма нежелательным. Дело в том, что на головных уборах изнутри стояли клейма с номерами военного билета владельцев. Из положения вышли старым, распространённым во всех училищах способом. Ребята позвонили своим девушкам, те рано утром собирали фуражки и принесли в училище. Так, возможные улики были успешно нейтрализованы...

На следующий день в училище приехали милицейские начальники, привезли каких-то изрядно побитых молодых лю-

дей, которых водили вдоль курсантских шеренг. Вглядываясь в лица, пострадавшие пытались узнать своих обидчиков. Но, как это сделать, когда перед тобой две тысячи человек и все как один хитро улыбаются и строят гримасы, откровенно издеваются. Да ещё те, кого и можно было узнать или заподозрить, спрятаны в казарме под видом дежурных, дневальных и больных. В итоге никого не нашли, решили, что это были курсанты другого училища. Поехали туда...

Ближайший год на «Севере» никто даже не посмотрел косо в сторону курсанта...

«Железная» подушка

В роте было сто пять человек, поэтому кровати в расположении стояли в один ярус, сдвинутые попарно. Но в одном ряду, из-за несущей колонны, закрывающей проход между койками, для красоты, а точнее – для соблюдения симметрии, вынужденно сдвинули три кровати к ряду. Слева и справа оставались проходы, а вот на среднюю кровать можно было попасть, только перелезая через соседние или через спинку...

Курсант Серёга Самсонов, в простонародии – Сэм, был человеком спортивным. А ещё он любил перед сном, после хорошей работы с железом, ополоснуться холодной водичкой. Делал он это в умывальнике перед самым отбоем, а иногда и после. Короче, в койку он ложился несколько позднее своих товарищей. И всё бы ничего, да вот только кровать ему

досталась из тех трёх сдвинутых вместе – средняя. Поскольку к его приходу слева и справа уже лежали соседи, Сем забирался через спинку, но, с некоторых пор, ему захотелось острых ощущений, и он делал это, прыгая «рыбкой». После каждого такого «захода на посадку» товарищи на крайних койках подпрыгивали вверх, барахтались, ловя одеяла и подушки. Всё сопровождалось шутками и смехом окружающих, ситуация приобрела статус вечернего шоу. И если всем, наблюдавшим со стороны, происходящее доставляло удовольствие, то хозяевам правой и левой кровати это изрядно надоело. Уговоры и требования действенного результата не принесли, тогда друзья предприняли другой, более радикальный шаг...

... Вечер. Отбой. Сэм, по обыкновению, облился холодной водой, вытерся и, с полотенцем на шее, в одних трусах, смакуя приятной усталостью после гирь и гантелей, не торопясь, подошёл к кровати. Как всегда, народ уже улёгся и собирался засыпать, но всё же – было не привычно тихо. На секунду, Серёге показалось, что все затаились. Но, это на секунду. В следующее мгновение он, повесив полотенце, сделал шаг назад, оттолкнулся и сиганул «рыбкой» через спинку кровати. По обыкновению, головой он всегда утыкался в мягкую подушку. В этот раз произошло тоже самое, за исключением одного нюанса – подушка оказалась не мягкой, а железной! Раздался глухой, низкочастотный звук, отдалённо напоминающий голос вечевых колокола. От удара Сем

дёрнулся всем телом и замер. До этого, прикидывающиеся спящими друзья, сначала сдавленно захихикали, а потом в расположении раскатисто завибрировал гомерический хохот. Однако, Сэм этого не слышал, он пребывал в глубоком нокдауне, лежал без движения и остатками сознания пытался понять происходящее с ним.

На шум подошёл старшина:

– Что у вас тут? Чего рыгочите, команда «Отбой» вас не касается?

Продолжая смеяться, друзья перевернули Серёгу, вытащили из-под него подушку.

– А ну дайте сюда, – потребовал старшина.

Ему подали подушку. Он взял её за угол одной рукой, но, видно от неожиданной тяжести, рука резко провисла, пошла вниз, наволочка порвалась и на пол, прямо ему под ноги вывалился здоровенный, десятикилограммовый блин от штанги...

– Ё... Вы... На... Вашу дивизию! Вы чё, умом тут тронулись, – выругался старшина, но последние слова он произносил уже сквозь смех...

Больше Сэм не прыгал «рыбкой», а, в скором времени, кровати всё же переставили.

Друзьям Серёга отплатил той же монетой, перед очередной тревогой он, втихомолку, засунул обоим в вещевые мешки по паре гантелей. Те в утренней суматохе «подарок» не заметили, почувствовали его примерно на втором километ-

ре бега с полной выкладкой...

Пробитый туалет

Личное время. Время, когда после дневной суеты и беготни, занятий, построений, всяких хозяйственных работ можно расслабиться и отдохнуть, заняться своими делами. Например, написать письмо, поиграть в шахматы, почитать книгу или свежую газету.... Хотя, нет! Для написания писем, чтения газет и художественной литературы есть лекции и самоподготовка. В личное время можно сбегать на КПП и пообщаться с девушкой, позвонить домой по междугороднему телефону, используя «вечную монетку», привязанную на ниточке, сходить в спортзал, поиграть в футбол, пообщаться с друзьями из других рот, а, если получится, смотаться в краткосрочную самоволку. Да и просто, можно, расслабившись, «почесать языки» с товарищами, поболтать за жизнь да за любовь. Ну, в смысле, о женщинах. В общем, личное время – это очень важный отрезок повседневной жизни курсанта.

Что в личное время происходит в казарме. Как правило, ни чего особенного. Народ отдыхает, готовится морально и физически к следующему дню. Не отдыхает только суточный наряд. Новый потому, что заступает на сутки, а старый – потому, что сдаёт. Сдаёт чистоту и порядок во всех помещениях. И если нет этих чистоты и прядка, то старые дневальные вместо своего личного времени их наводят...

В тот вечер в роте в очередной раз забила канализация

в туалете. Вода переливалась через края унитазов, вонища, грязь, жуть, Новый дежурный наотрез отказался принимать такое безобразие. Старому наряду ни чего не оставалось, как засучить рукава и приняться за работу.

Устранение подобной ситуации – дело обычное и привычное. Шесть унитазов присоединены к одному канализационному коллектору. Исходя из этого, не мудрёная технология заключалась в создании в трубе избыточного давления. Для этого пять «очек» затыкались пробками, представляющими из себя палки с намотанными на них тряпками. В шестом, как правило, крайнем от засора унитазе такая пробка применялась в качестве поршня. То есть, за счёт резкого опускания в «очко» палки с намотанной тряпкой и создавалось то, необходимое избыточное давление, которое проталкивало засор в общий канализационный коллектор.

Именно эта стандартная процедура и была проделана в тот вечер. В шкафу для инструмента оказалось только пять палок. Ни кому не хотелось тратить драгоценное время на поиски шестой и по этому для изготовления «поршня» использовали попавший под руку лом, на который намотали тряпку. Ребята с энтузиазмом принялись за работу.

– У-ух, у-ух, – забурлила канализация, – У-ух!

На третьем качке в трубах раздался глухой звук, бульканье, фекальные массы, чвакая и пузырясь, закручиваясь в воронку устремились в канализацию. Всё, готово! Когда достали «поршень», то увидели, что тряпка на нём сдвинулась

вверх почти на половину. Однако, этому факту никто не придал значения. Туалет, ведь, пробили! Старый наряд, довольный одержанной победой, отправился реализовывать своё личное время...

Минут через пятнадцать в распоряжение роты, буквально, влетел дежурный с нижнего этажа. Его трясло от смеха, предпринимая попытки справиться с собой, он спросил:

– Муж-жи-жики, что у вас с туалетом случилось? – и окончательно подавив смех, – У нас кусок канализационной трубы отвалился, и всё говно вылилось ... – его опять затрясло, он начал приседать, – вылилось на Пчё... на Пчелкина! ... Он в это время в туалете сидел.

Все причастные к делу, а также любопытствующие отправились к соседям. Ох, как было интересно посмотреть, где это там труба отломилась. Ну, а если по правде, то народу хотелось увидеть Пчёлкина. Не каждый день в училище людей говном обливают!

В расположении соседей царило невиданное оживление. Курсанты поочерёдно заглядывали в туалет, потом выбегали, на ходу затыкая носы, и ржали как кони в диком табуне.

В туалете же взору любопытных открывалась потрясающая трагикомическая картина. Кабинка открыта настежь. Внутри, стоя во весь рост, со спущенными брюками, опустив голову стоял несчастный курсант Пчёлкин. Стоял и тупо смотрел себе в штаны, а там было ведра два фекалий. Эти самые фекалии были так же и на плечах, на голове, на сте-

нах кабинки. Рядом на полу среди полуразмытых какашек валялся кусок чугунного колена от канализации, выбитый ударом лома. Прикрыв правый погон, к плечу прилипла кем-то использованная газета, порезанная по размеру карманного устава. В те времена, вместо нынешней туалетной бумаги использовались газеты, которые дневальные нарезали на куски, равные по размеру томику устава «Гарнизонной и караульной службы».

Пчёлкин долго приходил в себя. Он всё не мог понять, откуда столько дерьма у него в штанах и почему все смеются. Но, нашлись более решительные товарищи, подтащили шланг, включили воду, начали смывать весь этот ужас. Потом Пчёлкина раздели, ещё раз помыли из шланга холодной водой, завернули в простыню и отправили в кладовую переодеваться.

Шутки и издёвки над пострадавшим продолжались ещё недели две. Каждый считал своим долгом полить Пчёлкина одеколоном. Не потому, что он вонял, а просто так шутили. Тот даже реагировать перестал, так и ходил, благоухая на разные лады – то лавандой, то «Красной Москвой», а то и «Арбатом». За несколько дней у них в роте были полностью израсходованы запасы парфюма...

Всем повезло, говном облило флегматика и пофигиста. Он пережил...

Швабра «Машка»

Что такое мастичный пол? Сегодня даже строители и дизайнеры не смогут толком ответить на этот вопрос. Технологии далеко шагнули вперёд. Теперь везде полы покрывают натуральным камнем или керамогранитом, ламинатом, который даже не царапается. Где победнее, линолеум. А в последнее время всё чаще применяется композитный наливной пол, разных оттенков и фактуры, вплоть до трёхмерного изображения. И прогресс не стоит на месте!

Во времена, о которых идёт речь, в казармах, даже самых современных, были деревянные мастичные полы. Что это из себя представляло? Дощатый пол зачищался, далее, в него втирался слой красителя, как правило свекольно-розового цвета, поверх красителя наносился слой водоотталкивающей мастики. Когда мастика впитывалась в древесину и подсыхала, полы натирали специальными щётками.

Более подробно этот процесс выглядел следующим образом:

Примерно один раз в месяц, в парково-хозяйственный день, для приведения в порядок полов выделялась специальная команда, которая вооружалась стёклышками или фрикционными кольцами (запчасти от бортовых фрикционов танков и БМП). Этими «инструментами», вручную, стоя в позе оленя на водопое, курсанты сдирали с пола слой мастики и красителя. И желательно добела! Потом, опять же вручную, наносился краситель, далее мастика. И уж после этого в дело вступала «Машка».

Машка – это не помощница, не человек, а нечеловеческое орудие насилия над вольнодумством и разгильдяйством. «Машка» – это такое тяжеленное приспособление, сделанное из железа, деревянных брусков, кусков шинельного сукна и щёток, при помощи которого натирали намастиченные полы до блеска. Причём, делалось это не реже одного раза в день, а если не понравится, что–то ротному, то и чаще.

Выглядела «Машка» незамысловато. Квадратное основание, примерно шестьдесят на шестьдесят сантиметров, сваренное из железа, утяжелялось траками от танковых гусениц, блинами от штанги, иногда гирями или гантелями, снизу крепились деревянные бруски, обмотанные тканью или жёсткие щётки. В движение это приводилось посредством физических усилий, передаваемых через длинную, более двух метров, отполированную до серебряного блеска курсантскими руками, трубу, прикреплённую к основанию на шарнире. Длинная рукоять нужна была по двум причинам. Во-первых, тяжёлый агрегат удобней двигать вдвоём. Во-вторых, такая рукоять обеспечивала длинные, размашистые поступательные движения «Машки» по полу, которые, в свою очередь, гарантировали качество растирания мастики и придание полу необходимого блеска. В зависимости от вкусов, желаний и настроений командования, а иногда и творческой инициативы курсантов, полы натирались до «зеркального блеска», в «ромбик», в «шашечку», в «диагональ». В общем, «Машка» – это ещё и инструмент, обеспе-

чивающий создание казарменных изысков.

Ещё «Машку» применяли в качестве ночного сторожа. Дверь в расположение была двухстворчатая и довольно широкая, открывалась наружу. Пользовались обычной одной половиной, вторая постоянно была закрыта на щеколду. «Машку» подтаскивали к входу, её железную трубу пристраивали к дверной ручке таким образом, что если с внешней стороны кто-то потянет на себя дверь, то эта труба, уперевшись в неподвижную часть двери, падала на пол расположения, создавая шум и грохот. Короче говоря, пробраться не замеченным, а точнее – не услышанным, в расположение было невозможно. Это давало возможность суточному наряду немного расслабиться ночью, почитать, а может и вздремнуть...

Как-то раз, дневальный курсант Андрюха Коржиков, по обыкновению, притащил «Машку» к двери, начал её пристраивать. В этот момент его позвал дежурный по роте. Коржиков оставил агрегат в покое, просто оперев его рукоять на входную дверь, пошёл на зов. Что они там делали и чем занимались покрыто тайной времени. Главное это то, что Андрюха забыл про «Машку».

Под утро в расположение с целью проверки решил заглянуть сам командир роты. Он медленно, бесшумно подошёл к двери, взялся за ручку, потянул на себя. ... Ротный рассчитывал зайти по-тихому, но вместо этого, сначала услышал громкий шуршащий звук, это железная «Машкина» труба

скользила по дверной поверхности, потом получил неожиданный скользящий удар в левый глаз, далее в плечо, по ноге. После этого раздался грохот – железяка достигла бетонного пола на лестничной площадке...

Что тут началось! Крик и отборная ругань с проклятиями в адрес Коржикова потрясли расположение. Роту подняли по тревоге. Ничего не понимающие курсанты построились в проходе. Перед ними появился командир роты, по левым глазом у него прямо-таки сиял огромный бланш. Забывчивого дневального вывели на середину. Ещё раз обматерив Андриюху, ротный определил его на гауптвахту. Потом ... Потом начались две недели неплановых кроссов, строевых подготовок в вечернее время, дополнительных уборок, чистки и натирки полов. В общем, настрадались курсанты, пока у ротного окончательно не исчез синяк под глазом.

Всё изменилось, когда в расположение провели ремонт и постелили паркетные полы, покрытые лаком. «Машку» торжественно, к всеобщему ликованию, отволокли в подвал – на «пенсию» ...

Эквилибр со стульями

Дневальный по роте курсант Вася Малко томился от безделья. Все задачи выполнены, рота на занятиях, в казарме тишина. Ротный закрылся в канцелярии, прапорщик – начхоз ковыряется в кладовой, дежурный по роте убежал на кафедру сдавать долги, напарник лёг спать после ночной сме-

ны. Скука!

Вася отошёл от тумбочки дневального, прогулялся по центру расположения, проверил насколько ровно стоят кровати и стулья и неожиданно вспомнил, как один старшекурсник показывал фокус со стулом. Шутки ради он переворачивал стул и ставил его ребром спинки на спинку кровати. Васе пришла в голову мысль попробовать. Он взял крайний стул, перевернул, попытался приладить к спинке кровати. Получилось не сразу. Но получилось! Окрылённый успехом, он взял второй стул и проделал то же самое. Получилось! Потом третий, четвёртый... Далее настала очередь следующего ряда. Вася, осторожно ступая, дабы не нарушить хрупкого равновесия, так увлёкся этим занятием, что потерял чувство времени и реальности. Минут за тридцать – сорок он водрузил на спинки кроватей все сто пять стульев, находящихся в расположении и только после этого осмотрелся и застыл от ужаса.... В самом центре расположения, на сверкающем паркете стоял начальник факультета, его заместитель по политической части, командир роты, два взводных и дежурный. Казалось, они, затаив дыхание, наблюдали за магическим действием курсанта Малко.

Начальник факультета, увидев, что Вася застыл, начал медленно аплодировать:

– Bravo! Bravo товарищ курсант! – и далее, обращаясь к замполиту, – Пётр Александрович, запишите это юное дарование в художественную самодеятельность. Представляете,

какой будет убойный номер! Эквилибрист на стульях! У нас есть певцы, декламаторы, танцоры. А вот циркачей ещё не было.

Вася так и стоял, не шевелясь, в голове как заевшая старая пластинка крутилась одна фраза: «Во, попал! ... Во, попал! ...».

– Ну что, товарищ курсант, за доставленное удовольствие конечно спасибо. – продолжил свою речь начальник факультета, – А вот за то, что со своего места ушёл, службу бросил, начальство прозевал надо тебя наказать. Как ты думаешь, чего заслужил?

– Простите, пожалуйста, товарищ полковник. Больше не повторится. – залепетал Вася.

– Э-э, бра-ат, так дело не пойдёт. Объявляю тебе трое суток ареста! ... Но, условно. Через две недели смотр художественной самодеятельности училища. Покажешь номер со стульями – получишь амнистию. Нет – на гауптвахту. И ещё добавлю!

– Есть! – уже чётко, как положено служивому, ответил Вася.

В дальнем углу упал один стул, потом второй. Дальше, грохоча по паркету, как карточный домик, посыпались все остальные, разрушая созданное Васей творение вместе с надеждами на запланированное в ближайшие выходные увольнение.

Следующие две недели Вася провёл со стульями, что на-

зывается «в обнимку». Он что-то придумывал, изобретал, тренировался. Всё это делалось в стороне от посторонних глаз. Чтобы никто не мешал, Малко уходил в подвал, закрывался там и работал, работал.

В назначенный срок публике был представлен головокружительный номер. На сцене, под медленную, приятную музыку Вася сначала выстроил пирамиду из нескольких, перевёрнутых вверх ногами, стульев. А потом началось невероятное! Он ловко, как заправский мастер начал жонглировать сначала двумя, потом тремя стульями. Вася перекидывал стулья из руки в руку, вертел ими в воздухе. Завершилось выступление перешагиванием с одного стула на другой, при этом, удерживая на голове, стоящий на одной ножке табурет.

Васю простили. Не за цирковой номер, а за упорство и успехи в физической подготовке. Попробуйте покрутить в воздухе деревянным стулом...

Инновации против философии

Поступил Василий Иванович в академию. После первого семестра приезжает на каникулы в дивизию. Вечером сидят в штабе, пьют чай. Петька спрашивает:

– Василий Иванович, расскажи, чему в Академии учат, какие такие предметы преподают?

– Петьк, да много чего, – отвечает Василий Иванович, – Тактику, стратегию, математику, историю. Ну, и конечно,

философию.

– А что такое философия, не унимается Петька.

– Э-э-э, брат. Философия – это сложно!

– А ты объясни по простому.

– Ну, хорошо. Вот смотри, ситуация. Приходят в баню два человека, один грязный, другой чистый. А душевая кабинка одна. Кто будет первым мыться?

– Грязный, естественно, – уверенно отвечает Петька.

– А вот и нет! Как же чистый после грязного мыться будет?

– Ве-ерно, – говорит Петька, – и что же?

– А вот теперь другая ситуация. Приходит два человека в баню, один грязный, другой чистый. А душевая кабинка одна. Кто из них первый будет мыться?

Петька ошарашенный:

– Чистый?!

– А вот и нет! Зачем вообще чистому мыться?

– Василий Иванович, так это ж ерунда какая-то получается!

– Э-э-э, Петька, вот и я раньше думал, что ерунда. А это, друг мой, и есть – ФИЛОСОФИЯ!

Старый анекдот.

Сессия. Для курсанта это время, когда решается два главных вопроса. Первый, какие оценки будут стоять в приложении к диплому. Второй, поедет ли курсант в отпуск, или бу-

дет пересдавать заваленный зачёт или экзамен. И то и другое важно. По этой причине надо стараться. А как стараться, если в предмете ориентируешься слабо? То есть, конечно, учишь, читаешь, но, в голове то всё не укладывается. Попробуй усвоить за два – три дня материал, который изучался в течении пары лет. А добавить сюда ещё наряды, каравулы, пребывание в санчасти, ну, и самое распространённое – сон на лекциях, так вообще катастрофа получается. Вот и остаётся или зубрить до посинения, или писать шпаргалки, или разрабатывать систему передачи информации «тонущим», или же применять какие-либо технические приспособления...

Учебной группе предстоит сдача экзамена по философии. Предмет не являлся основным и поэтому курсанты частенько попросту дрыхли на лекциях. На семинарах обычно каждый готовил один, заранее распределённый вопрос, не углубляясь в общую тематику. Так, «шалай – валяй» и подошли к экзамену. И всё бы ничего, да вот группа шла на звание отличной, а это означало, что по итогам экзамена должно быть не менее половины отличных оценок, а остальные не ниже «хорошо». Предстояло решить весьма сложную задачу. Экзаменатор требователен и принципиален, шпаргалок особо не напишешься, ведь весь требуемый объём материала невозможно вместить на микроскопическом листе бумаги. Так называемая «Бомба», это когда в аудиторию вносят готовый и написанный на бланке ответ на билет для терпящего

бедствие, не пройдёт. Накануне в соседней группе преподаватели раскрыли этот способ, был скандал. Что же делать? В курсантских рядах появились первые признаки паники и мандража. И тут, благая весть! В связи с ремонтом в учебном корпусе, сдачу экзамена перенесли в казарму, в помещение «Ленинской комнаты».

Сдавать экзамен в казарме, в своём расположении – всё равно, что дома! Это была удача. На коллективном совещании решили не связываться со шпаргалками, лучше применить технические средства, а конкретно – обеспечить каждого экзаменуемого проводной связью. С этой целью был разработан целый проект, за осуществление которого взялись лучшие умельцы. В сушилке – помещении без окон и находящемся в дальнем углу расположения, оборудовали командный пункт. Приспособили для передачи информации магнитофон с микрофоном, протянули под обшивкой стен провода в Ленинскую комнату и по щелям в полу провели к столам, за которыми должны были готовиться к ответу вытянувшие билет. На кончиках проводов закрепили жестяные контакты, которые торчали из щелей и напоминали шляпки гвоздей. Для экзаменуемых подготовили пять гарнитур, включающих в себя маленький микрофон и наушник. Для экипировки курсанта необходимо было в течении минуты переобуть его, протянуть провода под одеждой, закрепить на одной руке под рукавом на запястье наушник и микрофон на другой руке. Сложнее всего, как оказалось, было найти пять

пар ботинок универсального размера. Дело в том, что для замыкания контактов на полу, обувь оборудовали металлическими пластинами на подошвах. После такого усовершенствования ботинки становились не пригодными к дальнейшей носке, по этой причине, пришлось искать их на складе. Найти удалось, но размер был только сорок первый и сорок третий, а в группе были ребята и с сорок четвёртым и с сорок пятым, а один даже с сорок шестым.

По замыслу авторов изготовленной системы, курсант, предварительно экипировавшись, должен зайти в аудиторию, вытянуть билет, громко объявить его номер и сесть за один из подготовленных столов, поставить ноги на контакты, замкнув тем самым цепь. Находящийся у двери человек, услышав номер билета должен бежать в сушилку и передавать его на «Командный пункт». Там оператор, сидя в наушниках перед микрофоном, дождавшись сигнала о готовности – несколько щелчков по микрофону или покашливание, начинал читать содержание вопросов прямо из учебника. Среди всех участников процесса были распределены роли. Кого-то определили помогать переодеваться, кого-то дежурить у двери в Ленинскую комнату, кого-то помогать оператору, искать необходимый материал для ответа на вопрос.

Техническую сторону проблемы, в целом, решили. Осталась одна малость – добыть экзаменационные билеты. Предлагались разные варианты, от «гангстерского нападения» на лаборантскую, до подкупа работников кафедры. Но, в кон-

це концов, победил разум! На кафедру снарядили самого опытного ловеласа группы – Саню Одинова. Он должен был, жертвуя собой ради коллектива, охмурить молоденькую лаборантку Леночку – дочь одного из преподавателей училища, работавшую на кафедре общественных наук, коварно вскружить её голову и добыть секретные материалы – экзаменационные билеты по Философии.

Как задумали, так и сделали. Хоть и не сразу, но на второй день крепость под названием «Леночка» выбросила белый флаг и в руках «злоумышленников» оказалось несколько листов бумаги, на которых красивым, ровным девичьим почерком были переписаны вопросы всех билетов по философии.

Утро экзамена по философии группа встретила во всеоружии. Первые пять человек отвечали с блеском! Преподаватель начал беспокоиться и что-то подозревать на втором десятке. Откровенные троечники излагали материал чуть ли не на отлично. До этого он сидел за столом и слушал доклады экзаменуемых, теперь встал, прошёлся по аудитории, внимательно осмотрел всех присутствующих. Ни чего подозрительного, ни каких лишних движений, курсанты спокойно готовятся к ответу по билетам, делают какие-то записи на промаркированных на кафедре листочках. Преподаватель вернулся на своё место и, с хмурым видом продолжил экзамен.

Процесс шёл гладко. Единственная возникшая проблема

– натянуть ботинок сорок третьего размера на ногу сорок пятого. Но, как ни странно, натягивали! И курсанты, стиснув зубы от боли, мужественно шли на экзамен. Вот что значит нацеленность на единый результат! По-честному пошёл только обладатель сорок шестого размера. Ну не налезли ботинки! Но, как оказалось, ему не требовалась посторонняя помощь, он знал предмет.

По завершению экзамена преподаватель взялся было заполнять ведомость, однако, результаты сдачи не давали ему покоя. После некоторых раздумий и переговоров с командиров группы он заключил:

– Я не знаю, как вам удалось так хорошо отчитаться. Разбираться и что-то искать у меня нет времени и желания. – и, немного помолчав, уверенно добавил, – У вас своя система, у меня своя!

Всем участникам процесса были выставлены оценки с учётом прежней успеваемости по предмету. Группа так и не стала отличной...

А самый опытный ловелас группы Саня Одинов так пожертвовал собой ради товарищей, что через несколько месяцев женился на миловидной лаборантке Леночке...

Правильная реакция

Ночь. В казарме тишина. Мирно посапывают спящие курсанты, изредка, кто-то бормочет во сне. У тумбочки дневального никого нет, дверь в ленинскую комнату приоткры-

та. На ближайшем столе, спиной к выходу, свернувшись калачиком, положив Общевоинский Устав Вооружённых Сил СССР под правое ухо, спит дневальный по роте курсант Санёк Торопнов. Спит так кротко, тихо, чему-то сладко улыбаясь. Идиллия!

Внезапно негромко скрипнула входная дверь, послышались осторожные шаги. Ротный, решивший проверить своих подопечных, неслышно, как снежный барс, подкрался к мирно спящему Саньку, тот продолжал улыбаться, взялся за край стола и резко наклонил его от себя. Торопнов в той же позе что и спал, сполз со столешницы и грохнулся вниз. Упал на скрюченные ноги и руки, слегка ткнувшись носом в пол.

– Торопнов! Спишь, разгильдяй! – гаркнул ротный.

– Ни как нет! – Сразу и без паузы, как ни в чём ни бывало, ответил Санёк. Он как был на четвереньках пополз под соседний стол. – Я тут бумажки собираю, товарищ подполковник.

Ротный даже рот открыл от неожиданности. Секундное замешательство, а Санёк уже, выбравшись из-под четвёртого стола, чеканя шаг, подошёл к командиру и чётко доложил:

– Товарищ подполковник, во время моего дежурства происшествий не случилось. Дневальный за дежурного курсант Торопнов.

Командир рассмеялся. Потом он отчитал Саньку по первое число, но наказывать не стал. Вот что значит правильная реакция...

Эпидемия

В училище день открытых дверей. В училище праздник! Очередное поколение курсантов принимает присягу на верность Родине. К виновникам торжества со всех концов страны съехались бабушки, дедушки, мамы, папы, братья, сёстры, невесты, да и просто друзья. И все не с пустыми руками, а с полными, до отказа, набитыми всякой снедью, чемоданами, сумками, авоськами. А что за снедь? Так ясно, от пирожков, котлет и колбасы, до овощей и фруктов. В общем, чем богаты, то и привезли...

В этот год родственников приехало особенно много, а соответственно, очень много было и привезённой еды. Первокурсники, ставшие полноправными военнослужащими доедали домашние дары уже будучи в наряде по столовой. Такая уж традиция в училище была – присяга, потом наряд по столовой и далее в поле на картошку. Что и как съела молодёжь не известно, но вот в один из дней они хором «сели на горшок». Если выразиться точнее – начался поголовный понос. Медики кинулись разбираться, гасить неприятное происшествие. Да куда там! Пациенты уже успели поработать в курсантской столовой и вслед за ними появились дристуны и на старших курсах. Так неотвратимо и стремительно училище, булькающе-вонючим поносом, накрыла эпидемия дизентерии...

Поскольку больных было много, и места в санчасти не хва-

тало, то для их размещения, изоляции и лечения отвели целую казарму, которая находилась в цокольном этаже старого здания. Поставили в распоряжение кровати, организовали дежурство медицинского персонала.

Когда-то это, скорее всего, был первый этаж, но, с течением времени, а это несколько больше ста лет, исторические слои земли и асфальта росли ввысь, а фундамент наоборот – погружался вниз, новые поколения хозяев что-то перестраивали, достраивали, ремонтировали, меняли. В результате человеческой деятельности, каким-то загадочным образом канализация в этом помещении оказалась гораздо выше пола. Такой нюанс напрямую повлиял на конструкцию туалета. Унитазы, или как они числились в перечне имущества – чаши Генуя, а в простонародии – очки, располагались на высоком постаменте, порядка семидесяти сантиметров и к ним вели три высоких кирпичных ступеньки. Кабинки были перегородены стеклоблоками на высоту не более метра, дверей не было. Так что, пользующийся туалетом курсант, раскорячившись на очке, восседал на постаменте как грифон на скале, а ожидающие своей очереди несчастные страдальцы могли наблюдать весь процесс испражнения, включая звуки, запахи, визуальное восприятие и даже выражение лица и глаз какающего. Тем, в свою очередь, было стыдно, неудобно, однако, ещё неизвестно, кто находился в лучшем положении, тот, кто добрался до унитаза или тот больной дизентерией, который стоит в очереди и ждёт с напряжением и крайним

нетерпением возможности спустить штаны и расслабиться...

Госпитализация, во вновь созданный лазарет, происходила следующим образом: курсант приходил в санчасть, там его встречала медицинская сестра – крупная дородная женщина с добрыми глазами, с выражением глубокой озабоченности и сердечного участия, очень проникновенно, она спрашивала предполагаемого больного:

– Сколько раз стул?

Если «стул» был больше двух – трёх раз в день, пациента записывали в журнал и отправляли в подразделение за постельными принадлежностями, с которыми тот должен был прибыть во временный лазарет. Все осмотры врача, сдача анализов производились только на следующий день. Буквально за несколько дней изолятор был забит больными полностью. Но, через полторы – две недели лёгкость, с которой можно было устроить себе небольшой отдых, сделала своё дело – в лазарет на места выздоравливающих валом пошли симулянты. Нашлись хитрецы, которые, решив отдохнуть от повседневных забот и нарядов, даже не заморачиваясь, сразу брали в охапку матрас с подушкой, заходили к заботливой медсестре, рассказывали про свой «стул», записывались в журнал и шли в изолятор. А что, условия сносные, туалет, конечно, не очень, но это плата за определённую степень свободы, и, в целом, жить можно. Правда на следующий день возникали некоторые проблемы, ведь, надо было сдавать анализы. Но и это препятствие было успешно и до-

статочно просто преодолено. Симулянты выкупали анализы у больных. Дело в том, что процесс забора биоматериала у пациентов изолятора заключался во взятии мазков из заднего прохода. Каждое утро в распоряжение приходила медсестра из лаборатории, приносила с собой ящик с пробирками в каждую из которых была вставлена проволочка с намотанной на кончик ваткой. Исследуемые поочерёдно подходили, называли фамилию, снимали штаны, подставляли медсестре свой анус, она засовывала в задний проход курсанта проволочку с тампоном, слегка прокручивала, вынимала, вставляла выуженный результат в пробирку и всё, далее следующий. И так человек сорок, пятьдесят ежедневно. Конечно же, бедной медсестричке не до разглядывания лиц пациентов! Одни задницы, с раздражёнными от обильного поноса, анусами! Вот этим моментом-то и пользовались хитрецы – симулянты. Они договаривались с больными и те за них сдавали анализы «гарантированного качества». Но, с течением времени, и больные стали хитрее, цена за один мазок на рынке заражённых фекалий, начала расти. Ситуацию накаляли два фактора. Первый это то, что постепенно больных становилось меньше, а симулянтов больше. Второй, немаловажный аспект, касался личностей тех, кто брал анализ. Медсестры, приходящих на данную процедуру, было две, они приходили по очереди. Одна из них, была совсем молоденькая девушка, добрая, ласковая, и работу свою она делала нежно и мягонько. А вторая была постарше и по какой-то причине яв-

но ненавидела курсантов или мужчин в целом, а может свою работу. В общем, она пользовалась своим инструментом как Д'Артаньян своей шпагой, вгоняя его в анусы несчастных больных как будто поражает ненавистных гвардейцев кардинала, да ещё с остервенением проворачивая. Короче, когда была вторая, то дополнительный анализ стоил гораздо дороже. Сначала палатой за «заразную» услугу были компот, варёные яйца и котлеты из столовой, потом пирожки, булочки и коржики из буфета, в конце концов дело дошло до денег. Мелких, но, денег. Постепенно больных становилось всё меньше, а симулянты всё прибывали и прибывали. И вот, настал момент, когда быть носителем палочки Флекснера стало экономически выгодным, а поскольку пациенты изолятора постепенно выздоравливали, то «истинные дристуны» заняли особое привилегированное положение. Их берегли и лелеяли, даже освободили им места по ближе к туалету...

Ну, а что симулянты? Эти целыми днями спали, чесали языки, играли в карты и домино, иногда, по ночам, бегали в самоволки, винцом баловались. Всё сходило им с рук, так как изолятор никто не проверял. Какому дежурному по училищу захочется идти в эпицентр инфекции, заразиться самому, да ещё и в семью занести эту беду? Понятно, желающих не было. Так что ребята чувствовали себя вольготно.

Конец этой истории положил начальник медицинской службы училища майор Кутовский. Он долго не мог понять, почему при адекватном лечении и, принятых антиэпидеими-

ческих мерах, обитателей изолятора не становилось меньше. Заподозрив неладное, он принял радикальные меры...

...В изоляторе неожиданно перестали брать анализы, пациентов дня три никто не беспокоил, народ расслабился, потерял бдительность. На четвёртые сутки с утра к изолятору подкатил автобус, часть больных загрузили и повезли в гарнизонный госпиталь, а там... Там развернули полевую лабораторию, в которой проводили нечто похожее на колоноскопию. Почему-то называлось это просто – Телевизор. В большом автомобильном фургоне по стенам размещалось различное оборудование, а по центру стоял крепкий, высокий стол из нержавеющей стали. Врач, коренастый, широкоплечий мужик, в белом наглаженном халате, поверх которого был одет оранжевый клеёнчатый фартук, как у мясника, на руках резиновые перчатки, рукава закатаны до локтей, заводил в машину курсантов по одному, плотно закрывал дверь, заставлял больного раздеваться догола, ставил на стол на четвереньки, потом брал трубку, длиной сантиметров двадцать, обмазывал её вазелином и загонял этот инструмент в задний проход пациенту. Затем вводил туда зонд с лампочкой и окуляром, что-то там смотрел и выпускал несчастного на улицу. Все выходящие из фургона страдалцы угрюмо и пристыжено оглядывались и молча удалялись в автобус. Где-то на десятом пациенте правда о происходящем прорвалась в массы...

Из тридцати привезённых курсантов, процедуру прошли

только двенадцать человек, остальные наотрез отказались. Но, самое неожиданное произошло в изоляторе. Там, после возвращения «делегации с телевизора» у подавляющего числа пациентов прекратился понос, они почувствовали себя абсолютно здоровыми людьми. В общем, к вечеру в лазарете из ста больных осталось чуть больше двадцати представителей той самой «привилегированной касты». Эпидемия симуляции дизентерии была подавлена...

Караул

Караул – это не в смысле – «Караул! Помогите!». Караул – это одновременно неотделимое обстоятельство военной службы, нужная, но нудная и весьма тяжёлая работа, а так же неотвратимая реальность в жизни курсанта.

(Пояснения автора)

Несение караульной службы является выполнением боевой задачи ...

Караул – вооружённое подразделение, снаряжённое для выполнения задач по охране знамён, важных государственных и военных объектов, грузов, а также ... военнослужащих, содержащихся на гауптвахте...

Часовой – вооружённый караульный, выполняющий задачу по охране и обороне поста...

Караульный – военнослужащий, назначенный в состав караула...

Пост – объект, порученный под охрану и оборону часовому, а также место или участок местности, на котором он выполняет свою задачу...

Часовой есть лицо неприкосновенное. Неприкосновенность часового заключается:

– в особой охране законом его прав и личного достоинства;

– в обязанности всех лиц беспрекословно выполнять требования часового, определяемые его службой;

– в предоставлении ему права применять оружие в случаях указанных в настоящем уставе...

(Устав Гарнизонной и Караульной Службы ВС СССР)

Первый караул

Зимняя ночь. Мороз за минус двадцать. В свете мощных прожекторов и фонарей искрится, сверкает свежавыпавший снег. Тишина. Между двух рядов ограждения из колючей проволоки, по периметру склада ГСМ, стараясь не оступиться в сугроб, по утоптанной тропинке медленно продвигается вооружённый автоматом человек, при взгляде издалека – похожий на живую матрёшку. Это часовой. Похожим на матрёшку его делает огромный, одетый поверх шинели, тулуп из белой овчины. Тулуп длинный, скрывающий ноги в валенках, так, что мелких шагов часового не видно, и он как бы плывёт по заснеженному периметру. Вроде как девушки в русских сарафанах из знаменитого в те времена танцеваль-

ного ансамбля «Берёзка». Только там сарафан на стройный девичий стан, а здесь тулуп на шинель. Поверх тулупа на ремне, в положении «на грудь», штыком влево напылен автомат, высокий воротник поднят, да так, что смотреть можно только вперёд, а для того, чтобы увидеть, что твориться слева и справа необходимо повернуться всем телом. В общем, матрёшка. Но, зато тепло! Собираясь на пост, часовой захватил с собой свежий номер «Комсомольской Правды». Нет, не читать. Читать ему накрепко запрещено уставом! А вот стельки в дырявые, на три размера больше валенки из «Комсомолки» – самое то!

Так он и «плывёт» по тропинке, иногда останавливается, поворачивается из стороны в сторону – осматривает окрестности, периодически «подплывает» к вышкам, находящимся на углах прямоугольного периметра. Там расположены точки проводной связи – банальные розетки. Часовой достаёт из-за пазухи свой «мобильный телефон» – здоровенную чёрную эбонитовую трубку с проводом и вилкой, весом с хороший молоток, подключает её к розетке и докладывает:

– Часовой второго поста На посту без происшествий.

Отключает «мобильник» и «плывёт» дальше...

Слева, снаружи, вдоль периметра дорога. За дорогой одноэтажное кирпичное здание лаборатории. За лабораторией густой лес. Ночное освещение ярко выхватывает, выпячивает крайние от дороги ели, а дальше – дальше непроглядная чёрная темень.

В какой-то момент – порыв ветра, за зданием лаборатории дребезжащий стук. Часовой вздрагивает, останавливается, поворачивается влево, наставляет туда автомат, начинает приседать, весь напрягается, прислушивается. Стук повторяется! Ещё порыв ветра и в черноте леса – треск сломанной ветки! Часовой резко кидается в сторону ближайшей вышки, но наступает на полу тулупа, запутывается, падает лицом в сугроб. Барахтаясь, пытается подняться. Удаётся. Но, при этом, выпадает телефонная трубка. Встав на колени, лихорадочно шарит руками в снегу. Крутит головой, силится оглянуться. Но, куда? Везде воротник тулупа! Часового бросает в жар, страх подкатывает к горлу. Орать? Нет! Нашёл! Схватил трубку и неуклюже, переваливаясь с валенка на валенок, бежит к заветной розетке, подключается и взволновано в трубку:

– Второй пост. У меня посторонние! Кто-то ходит у лаборатории! Вроде пытаются вскрыть! В лесу ветки трещат! – и, немного отдышавшись, – Что делать-то?

В трубке, перекрывая шипение, потрескивание и посвистывание, раздаётся хоть и далёкий, с металлическим отзвуком, но, такой родной и долгожданный голос начальника караула:

– Тебе там ни чего не приснилось, Соколик? Понаблюдай ещё, может ветром ветки качает... Доклад через пятнадцать минут.

– Есть, – отвечает часовой и отключается.

Он осторожно, с опаской перемещается ближе к лаборатории, останавливается, замирает, вслушивается. Потом, изрядно повозившись, опускает воротник – «Пусть холодно, но головой вертеть можно и слышно лучше».

В лесу опять что-то хрустит, потом ещё и ещё... «Что это» – думает часовой, – «Кто-то идёт? Кто?» По спине холодок и мурашки...

Три дня назад в роту приходили друзья с третьего курса. Узнав, что первокурсники готовятся заступить в свой первый в жизни караул, как старшие товарищи, они с удовольствием поделились опытом, что да как. При этом, между делом, не преминули рассказать историю, передаваемую в учебном заведении из поколения в поколение...

... В большом селе, неподалёку от учебного центра училища жила девушка. И умна, и скромна, и собой хороша! Парни за ней табунами бегали. А она – она влюбилась в курсанта выпускного курса. Как-то раз повстречались они и всё, жить друг без друга не могут! В скором времени отношения их стали настолько близкими, что все вокруг заговорили о свадьбе, которую решили сыграть сразу после выпуска. И вот настал долгожданный день, а молодого жениха – лейтенанта, нет. День нет, два, неделю, месяц, год... Девушка ждёт своего возлюбленного. А что лейтенант? А лейтенант укатил к месту назначения, и думать забыл о невесте.

С тех пор минуло много лет. Юная красавица так и не вышла замуж, а превратилась в злую старуху. И вот теперь, раз

от раза, то ли в полнолуние, то ли просто в зависимости от погоды или сезона, по ночам она встаёт с постели и как есть, в одной сорочке, босиком, с растрёпанными седыми волосами идёт к учебному центру и бродит там между постами, следит за часовыми, приближается к ним. Встанет у колючей проволоки и смотрит. Это она своего возлюбленного ищет. А иногда, каким-то непостижимым способом, бесшумно проникает внутрь периметра поста, подкрадывается сзади и в лицо пытается заглянуть. Вот так повернёшься, а она стоит, страшная, волосы во все стороны торчат, глаза холодным лунным светом горят...

Курсанты – первокурсники, слушая старших товарищей, смеялись, говорили:

– Гонишь, брат! Так не бывает. Враки всё это.

– Может и не бывает, а на посту и посмотрите, – отвечал им третьекурсник...

И вот теперь, часовой стоит, с напряжением всматриваясь в темноту леса, ловя обострившимся слухом каждый шорох. В пульсирующем воображении возник образ страшной старухи. Кажется, вот она сейчас объявится там, или там. Сзади шорох! Сердце в пятки! Часовой резко оборачивается, а там... Там ничего. Только легкая снежная пороша крутится в свете фонаря.

Да, когда рассказывали, было смешно от наивной истории, а сейчас.... Сейчас в животе противный холодок от страха, мурашки по всему телу, холка напряжена, как у кота перед

дракой и ... очень писать хочется...

Из оцепенения часового вывел звук шагов. По дороге, бодро, выпуская морозный пар, к посту шла смена...

Что означает быть в карауле?

Посты, как правило, охраняются в три смены. То есть, на каждый пост назначается по три человека. Один сразу заступает на пост, второго зачислят в бодрствующую смену, третий в отдыхающую.

Бодрствующая смена.

Она так называется потому, что караульному этой смены спать нельзя. Его задача – чистить и драить помещения караулки, а если всё сделано, и драить нечего, то сидеть и зубрить уставы, табели постам, сдавать зачёты начальнику караула. А ещё, отвечать на вопросы многочисленных проверяющих. Бывало, придёт седой полковник – дежурный по училищу, подойдёт, ткнёт в тебя пальцем и спросит:

– Доложите, товарищ курсант, обязанности часового.

А ты вскакиваешь, представляешься:

– Караульный такого то поста, такой-то смены... – и начинаешь торжественно декламировать, – Часовой обязан, бдительно охранять и стойко оборонять свой пост. Нести службу бодро, ничем не отвлекаясь. Не выпускать из рук оружие... Продвигаясь по указанному маршруту...

И так далее и тому подобное. А потом следующий проверяющий, потом следующий. И так без конца. И чем седее

полковник, тем каверзней вопросы и изощрённее вводные.

Через два часа наступает время, когда отдыхающая смена отправляется на посты, а бодрствующая смена становится отдыхающей.

Отдыхающая смена.

Отдыхающая потому так и называется, что отдыхать можно. Точнее, спать. Но это совсем не значит, что спокойно проспишь свои законные два часа. Чаше бывает так, только улёгся на топчан, только расслабился и начал проваливаться в сладкую дрёму, как вдруг, словно ведром холодной воды сверху, команда начальника караула:

– Караул! В ружьё! Нападение на караульное помещение!

И это, надо сказать, самая лёгкая вводная! Следует быстро вскочить, взять свой автомат из пирамиды и занять место в одной из комнат, согласно боевому расчёту. И чем быстрее и точнее всё сделаешь, тем быстрее поступит команда отбой, и можно опять погрузиться в вожаденный сон. А вот если вредный проверяющий подаст вводную «Пожар на третьем посту», ну или на втором, или на четвёртом, то отдыхающая смена, согласно тому же боевому расчёту, берёт средства пожаротушения, оружие за спину и бежит на пост тушить пожар.

Бывало, хватаешь огнетушитель типа ОП-10, закидываешь его на плечо и вперёд, на «горящий» пост. ОП-10 – это огнетушитель пенный, ёмкостью десять литров. Только десять литров не пены, а жидкости. В общем, сначала ты и не

замечаешь каких-то десять килограмм, но потом эта красная железная труба всё ощутимее и ощутимее давит на плечо. А ещё, жидкость во время бега колыхается, бьётся, потом на тебя начинает сначала капать, а потом брызгать грязная. ржавого цвета субстанция. Ты пытаешься заткнуть пальцем выходное отверстие, как-то повернуть эту бандуру, но, тщетно. Километр туда, километр обратно. А сзади бежит начальник караула и покрикивает:

– Вперёд, Соколики! Вперёд! – и подталкивая отстающего, – Ну, вперёд! На мужчину!

К команде «Отбой вводной» ты уже, как загнанный конь, весь перемазан какой-то гадостью, тащишь волоком проклятый огнетушитель. И только сожалеешь, что нельзя выкинуть эту тупую железяку – ведь караул ещё сдавать, а там всё по описи. Приходишь в караулку, и вдруг команда:

– Отдыхающая смена, строиться для следования на посты! Вот и поспал!

Встаёшь в строй. На улицу.

– Справа по одному заряжай.

Дожидаешься своей очереди и как на автомате - шаг вперёд, автомат на подставку, предохранитель, затвор, спуск, предохранитель, примкнуть штык-нож, магазин. Всё, готово. Автомат «на ремень», докладываешь:

– Оружие заряжено, поставлено на предохранитель.

Шаг назад.

– На ле-ево! На посты шагом марш!

И пошли. Так отдыхаешь четыре раза в сутки...

Часовой

Что для курсанта самое главное на посту? Так просто сразу и не ответить на этот вопрос. Всё зависит от опыта и ситуации, а также от того, как собирается курсант коротать время смены на посту. Конечно, в уставе чётко прописано что можно, а что нельзя делать часовому, а вернее сказать – что он должен делать. Но, реалии совершенно другие.

И так, чем же может заняться часовой на посту? Он может читать книгу или учебник, готовиться к семинару, зачёту, экзамену, в который раз перечитывать письмо от любимой, погружаться в сладкие мечты и грёзы. Может прыгнуть в окопчик и там, раскорячившись, дабы не вляпаться в «занятия» предшественников, справить естественные надобности. Может спать сидя на вышке или даже стоя, прислонившись к столбу. В общем, много чего может. И уж если совсем делать нечего, то тогда, конечно, можно и поохранять вверенный пост.

Поскольку всё, что может делать часовой на посту является плодом запретным, то самое главное для него, это не попасться проверяющему за каким-либо непотребным занятием. А для этого надо вовремя увидеть этого самого проверяющего и громко и уверенно крикнуть:

– Стой, кто идёт!?

И чем громче и увереннее, тем служба лучше!

Обычно проверяющие на посты ходят с разводящим или начальником караула. Но бывают в их рядах и энтузиасты своего дела. В своём неодолимом желании поймать нерадивого курсанта с «поличным», застать его за запрещённым занятием, они тайком подкрадываются к посту и наблюдают, точнее – подсматривают. Тут уж часовому необходимо проявить бдительность. Надо вовремя заметить «лазутчика» и если он по неосторожности залезет на территорию поста, обязательно остановить его окриком, потом заставить лечь на землю. А если будет сопротивляться, не помешает и пальнуть в воздух. Пусть для профилактики поваляется минут двадцать, до прихода разводящего, в грязи или в снегу.

А если уж проверяющий пришёл на пост как положено, то придётся отвечать на его вопросы и действовать по вводным. Тут уж самое главное чётко, уверенно и грамотно продемонстрировать свои знания и умения. И ещё – необходимо быть внимательным, потому как при отработке вводной «Нападение на пост» надо оборону в окопчике занимать, а там... Там можно сильно вляпаться в «занятия» свои и чужие.

А что самое трудное на посту? Здесь ответ однозначен, самое трудное – это борьба со сном. Порой спать хочется до помрачнения сознания, особенно в ночных сменах. А уж если пост в помещении, то вообще труба – дело! Бывало так, зимой, в хороший морозец, приходишь со сменой в учебный корпус с секретными классами, а там тепло, хорошо. Ну, как полагается – «Пост сдал – Пост принял», остаёшься один.

Первые десять – пятнадцать минут ты с холода то, бодрячком службу несёшь. Потом тепло накатывает на тебя, расслабляет, размазывает, растягивает, подавляет волю. Ты сопротивляешься, двигаясь по коридору, как мантру повторяешь:

– Не спать.... Не спать... – трёшь лицо, уши, машешь руками, – Не спать!

И, вдруг, просыпаешься от грохота железа по каменному полу! Ты стоишь на четвереньках, упавший автомат валяется рядом. Вот так, уснул на ходу и рухнул! Хорошо, что не лбом!

Постовая одежда

Постовая одежда эта та, которая постоянно находится на посту, а часовые, меняясь, передают её друг другу. То есть, конечно нет, курсанты не переодеваются и не меняются одеждой. К постовой одежде относится зимний тулуп из овчины и брезентовый плащ. То есть, зимой тулуп от холода, весной, летом и осенью плащ от дождя и ветра. Всё логично, но есть одна проблема. Для охраны поста назначается три человека, а тулуп (или плащ) там имеется только один. И поскольку все люди обладают разной комплекцией, частенько возникали ситуации, когда эта постовая одежда или была непомерно велика, или крайне мала. Понятно, что сбегать и поменять размерчик, возможности не было. Вот и охраняли посты «Сироты Казанские» в куцых плащиках с рукавами до локтей или субъекты в тулупах, волочащихся за часовым как

шлейф платья знатной дамы...

... Курсант Толик Ожидаев шёл в составе смены на пост. Настроение у него было прекрасным, предстоящее ночное бдение ничуть не пугало. Что там каких-то два часа? Прекрасная зимняя ночь. Правда мороз градусов пятнадцать, но ведь там на посту есть тулуп...

Прибыли на место и тут произошло нечто непредвиденное. Толику предстояло сменить на посту здорового детину, под два метра ростом. А надо сказать ростом Ожидаев был, что говорится – метр с кепкой, всего метр и шестьдесят сантиметров. Постовой тулуп был впору, но не Толику, а тому детине, которого он менял.

Усилиями всей смены одели заступающего на пост Ожидаева. Точнее сказать завернули в огромный кусок овчины, кое-как закатали длинные рукава. Получилось некое подобие тряпочной куколки. Сверху на тулуп одели автомат, подтянув ремень так, чтобы он удерживал края тулупа и не давал им расползаться. Подняли воротник. Всё, часовой готов к несению службы, правда в таком виде он, практически не мог нормально передвигаться. Подумав об этом, разводящий сказал:

– Толян, ты не ходи, стой на одном месте и мечтай о чём-нибудь хорошем. – и ещё раз, поправив на часовом воротник, торчащий выше головы, весело добавил, – Зато не замёрзнешь!

Смена ушла дальше по маршруту...

... Прошло почти два часа, к посту подошла новая смена, её ни кто не остановил. Вокруг тишина. Разводящий осмотрелся, часового не видно:

– Уснул что ли? – задал он вопрос, скорее самому себе, и крикнул – Ожидает! Эй, часовой!

– Сторож! Аллё! Пора вставать, просыпайся, – с ехидцей подхватили караульные.

В ответ только завывание ветра и шорох позёмки. Зашли на пост, принялись искать. Шутить уже не хотелось, появилась неподдельная тревога за товарища. Где он, что с ним? Сам уйти не должен, может плохо стало? А может кто по голове дал, автомат забрал, а Толика в окопчик сбросил.... Нет, о самом худшем думать не хотелось, да и страшно!

Через десять минут поиска, в дальнем углу поста, между стоящих в ряд машин, разводящий заметил большой шевелящийся комок. Подошёл ближе, комок глухо мычал и, похоже, матерился. Это был часовой, живой, здоровый, оружие на месте. Его подняли, отряхнули, развернули, высвободили из «тулупного плена».

– Что случилось, Ожидает? – строго спросил разводящий.

– Что – что, упал! Вы ушли, ё..., я, б..., решил перейти и наступил на х... прямо на тулуп!

Из сумбурного, полуматерного рассказа Толика стало известно, что он наступив на полу тулупа упал, пытаясь подняться запутался окончательно, потерял один валенок, да так и катался по снегу до прихода смены. Но вот что хорошо,

так это то, что не замёрз! Даже вспотел...

Выездной караул

В полк прибывает командующий Военным Округом. Конечно, как всегда в таких случаях, везде всё начистили, надраили, выровняли, маршрут посещения подготовили. Из подразделения которое, как ожидалось должен посетить большой начальник, чтобы не случилось неожиданностей и сохранить музейный порядок, убрали подальше весь личный состав, оставив одного дневального. Готовы, ждут. Утром командир полка, желая проверить как дела, забежал на минуту и в это образцовое подразделение. Убедившись, что всё нормально, спрашивает дневального:

– Боец, ты завтракал?

– Ни как нет товарищ полковник!

– Ну ты это, если Командующий спросит, скажи, что поел, а мы тебе в обед дополнительный паёк дадим...

Приезд командующего задерживался. После обеда командир дивизии, решив на всякий «пожарный» проверить готовность забежал в подразделение. Там всё нормально, порядок. Увидев дневального спрашивает:

– Солдат, ты обедал?

– Ни как нет, товарищ генерал!

Ну бывает. Смотри, если Командующий спросит про обед, ты скажи ему, что поел. А я дам команду, тебе на

ужин особую порцию приготовят, с дополнительным пайком.

Командующий Войсками округа приехал вечером. Поужинали и пошли по подготовленному маршруту. В образцово – показательном подразделении увидев идеальный порядок, довольный начальник обратился к, стоящему навтыяжку, дневальному:

– Сынок, как служба?

– Нормально, товарищ Командующий. Вот нажрался с утра и стою, порядок охраняю...

(Старая армейская байка)

Уже десятые сутки по бескрайним просторам Родины, согласно неведомому супостату наисекретнейшему стратегическому плану колесила пятидесятидвух кубовая цистерна с ракетным горючим. Впрочем, похоже, что план её путешествия был неизвестен никому, даже тем, кто её отправлял или собирался принимать, ибо, снаряжённый для её охраны караул, был рассчитан не более, чем на семь дней...

Караул размещался в прицепленной к цистерне теплушке – старому, чуть ли не дореволюционной постройки, деревянному, далеко не герметичному, вагончику, внутри которого были оборудованы двухэтажные деревянные нары для отдыха, с набросанными на них ватными тюфяками, поставлена чугунная печка – буржуйка с трубой через крышу вагона,

бак с водой. Из нехитрых пожитков имелось пара оцинкованных, слегка примятых ведра, большой закопчённый алюминиевый чайник, метла и кочерга. В дальнем от спальных мест углу отгорожено отхожее место, а рядом сложенный в пирамиду приличный запас дров. К слову сказать, дрова – это было единственное, что у караула не кончилось. А кончилось у них всё, продовольствие, терпение, желание...

На нарах, молча, упершись взглядом в открытую печную топку, нахохлившись как куры на насесте в морозный день, сидели четыре человека – начальник караула сержант Валериан Князищев и его подчинённые, караульные курсанты Валера Буранов, Асхат Фатхудинов и Серёга Покровский. Им не хотелось ни спать, ни в карты играть, ни книжки читать. Ребятам очень хотелось есть. И от этого сосущего, тянущего душу желания и ясного понимания отсутствия перспектив добыть в ближайшие часы чего-нибудь съестного, было жутко тоскливо. Под крышей, покачиваясь в такт вагону и бросая на стены кривые, извивающиеся тени – монстры, рисуя тем самым сюрреалистическую загадочную картину, висела большая керосиновая лампа.

Примерно один раз в день железнодорожный состав останавливался на какой-нибудь станции и в теплушку приходил с проверкой местный военный комендант. Уже на пятые сутки начальник караула неизменно докладывал о том, что вот – вот закончится продовольствие. Коменданты понимающе кивали и обещали дать команду по маршруту и уж на следу-

ющей станции запасы продовольствия будут пополнены. Так они и отсчитывали вехи дороги – в «кормильцах». Вчера был уже четвёртый...

Князищев встал, подошёл к печке, подкинул дров, присел ту же на перевёрнутое ведро, опять задумался. Ему не давала покоя мысль о доме и близких. Валериан был женат, его супруга по всему со дня на день должна была родить ребёнка, а проклятая поездка затягивалась и затягивалась. В добавок ко всему он никак не мог дожидаться того момента, когда освободится от своих ленивых и жестоких, как он считал, подчинённых. Они только и делали всю дорогу, что спали, ели и в карты играли. Печку топил он, цистерну охранял он и ни какие уговоры и призывы к совести с его стороны не действовали на этих неуправляемых разгильдяев. В общем, забот и переживаний у сержанта хватало. От тягостных мыслей его отвлёк характерный грохот и лязг, прокатившиеся по всему составу. Поезд начал торможение. Он вскочил, подошёл к двери, отодвинул одну створку, выглянул. Ко всеобщей радости товарный поезд, рывками замедляя ход, втягивался на очередную узловую железнодорожную станцию.

Станция! – кинул, полуобернувшись, но не глядя в полумрак теплушки сержант. – Надо думать, что делать будем.

Его подчинённые, находящиеся до этого в голодном оцепенении, встрепенулись, оживились. На их серых от печной копоти, небритых лицах засветилась надежда, засверкали глаза.

Состав остановили на одном из отдалённых от станционного здания пути. Распахнув окончательно двери, Князищев прыгнул на насыпь и отправился искать местное начальство. Военного коменданта здесь не оказалось, но, был на месте начальник станции – пожилой, убелённый сединами упитанный дядька, похожий на добродушного мишку. Он выслушал сержанта, развёл руками и сказал:

Что могу сказать, командир, вот тебе мой телефон. Звони. Поезд будет стоять тридцать минут.

Телефон пришёлся как нельзя кстати. Валериан сумел дозвониться домой! Трубку взяла мама.

Сынок, я так рада что ты позвонил! – радостно начала она, – Поздравляю, у тебя дочка родилась! Вес три двести, рост пятьдесят два, всё хорошо!

Какая то эйфория, замешанная на счастье и ещё непонятном, но заявляющем о себе, чувстве отцовства, захватила его. Он ещё радостно поворковал с мамой, положил трубку, поблагодарил начальника станции, обняв как родного отца и довольный отправился к своим подопечным. Подошёл к вагону. Ребята разминались, стоя на насыпи и смотрели на него полными надежды, но всё же голодными глазами.

– Мужики! – аж подпрыгивая на ходу, закричал Князищев, – У меня дочь родилась!

Он, торжествуя, вскинул руки вверх. Караульные восприняли эту новость позитивно.

– Молодец! Поздравляем! – хлопали они своего команди-

ра по плечам и жали по очереди ему руку.

Валериан рассказал про вес, рост, про то как начальник станции помог ему дозвониться домой, про то, что поезд будет стоять тридцать минут, и про то, что здесь нет военного коменданта...

Однако, после известия о времени стоянки и отсутствия коменданта Князивицев осёкся, замолчал. Его подчинённые как по команде посмотрели на часы.

– А что на счёт пожрать? – коротко, как выстрел прозвучало из уст Фатхудинова

Князищев вдруг ясно осознал, что в своём, ещё не сформированном отцовском счастье забыл про еду. Уже не поздравительные и, отнюдь, не доброжелательные, а уже о многом говорящие недвусмысленные взгляды и позы, подчинённых заставили мозг Валериана напрячься. Он вдруг вспомнил, что видел из окна кабинета начальника станции небольшой магазинчик. Решение созрело моментально. Караул, за исключением начальника, обшарив собственные карманы, скинулся в общий котёл. Котлом в данном случае выступала шапка Серёги Покровского. На круг собралось рублей пять с копейками. Покровский, держа шапку с «караульной казной» перед собой шагнул к сержанту, выразительно намекая, что, мол, и он должен сделать свой взнос.

– Командир, а с тебя причитается вдвойне. – спокойно, как будто объявил приговор, а может уже и привёл его в исполнение, произнёс Асхат Фатхудинов, секундная пауза и

«контрольный выстрел», – Ну не жмись, выкладывай, что там у тебя.

– Да я... Да у меня, – внутренне скукожившись, сжавшись как засохший сморчок, пролепетал Князищев, полез в карман и достал пятирублёвую купюру. – Вот, у меня больше нет.

И это было истинной правдой, если, не учитывать двадцатипятирублёвку, спрятанную под обложкой военного билета. И именно это и угнетало, и кукожило, и превращало в «засохшего сморчка» сержанта. Как же, эти дармоеды на троих собрали пять рублей, а с него с одного берут столько же...

В гонцы для похода в магазин, не долго думая, как самого быстрого, определили Валерку Буранова. Он схватил вещевой мешок, вытряхнул его на одеяло, сунул подмышку и побежал...

...Примерно сто метров по гравийной насыпи железнодорожного полотна, метров тридцать по перрону и каких-то двести – двести пятьдесят по волнистому, как застывшая лава вулкана, местами провалившемуся асфальту пристанционной площади до магазина. А там к единственному продавцу очередь!

– Люди, дорогие пропустите, поезд сейчас поедет, а у нас есть нечего, – взмолился Валера.

Увидев, изрядно помятого, закопчённого и небритого курсанта, его пропустили сразу, без вопросов и причитаний. Продавщица тут же засуетилась забегала, выкладывая

на прилавок буханки чёрного хлеба, батоны, рыбные консервы, печенье, конфеты, ну, и, конечно, три бутылки портвейна. В общем всё что было и умещалось в скромный бюджет караула. Валера быстро уложил покупки в вещмешок, начал было его завязывать, как вдруг одна из присутствующих женщин подошла и протянула две пачки печенья:

– Возьми, касатик. – и умилённо и нежно разглядывая Буранова, добавила, – худющий -то какой. Морят вас там чо ли?

Порыв доброй женщины послужил сигналом для остальных. Присутствующие начали делиться продуктами. Места в мешке уже не было и консервы, печенье и конфеты пошли в карманы. В конце, слегка подвыпивший мужичок сунул Валере за пазуху банку балтийской селёдки...

Всё, надо бежать обратно! И снова волнистый асфальт, перрон и.... Поезд дёрнулся, опять волна грохота и лязг с головы до хвоста, тронулся и начал набирать ход. А впереди ещё насыпь...

...Валера бежал как мог, обхватив руками и прижав к себе драгоценную добычу, ноги вязли и буксовали в гравии, камни летели по сторонам, но каким-то неимоверным усилием, виляя между столбов, он нагонял свой вагон. Когда до цели оставалось метра полтора – два состав увеличил скорость. Наступил критический момент!

Высунувшись по пояс из вагона, а сзади его держал за ноги Покровский, протягивая Валерке руку, Асхат кричал:

– Брось мешок, не успеешь! ...Хватайся за руку! ... Быст-

рее! ... Давай! ... Ну же!

– Хрен вам! Не брошу! – и, поднимая в верх вещмешок, – Пригнись!

Буранов кинул свою поклажу в распахнутый проём теплушки. Мешок пролетев над головой Фатхудинова, едва не задев его, упал на пол. В этот момент Валера начал отставать, предпринял усилие ускориться, споткнулся и ... Казалось беда неминуема, но, в этот момент Асхат как гуттаперчевый вытянулся в струнку, двумя руками, надеясь только на держащего его за ноги Покровского, цепко схватил за руки Буранова и ...

– А-а-ах!!! – рванул он что было сил

Растянувшаяся пружина сжалась, Валерка оторвавшись от насыпи, приподнялся в воздух и, сминая своих спасителей, влетел в теплушку. Они все трое разлетелись в разные стороны и, тяжело дыша, валялись на полу. Сначала пыхтели, потом начали хихикать, а потом, уже приподнявшись, глядя друг на друга, начали истерически хохотать...

Не веселился только сержант Валериан Князищев. Он стоял, молча, с нескрываемой ненавистью глядя на вещмешок, который лишил его почти последней пятёрки, мог принести ему проблемы и, вероятно, судя по его очертаниям, ещё может принести. Ему так хотелось пнуть этот источник кратковременного изобилия караула, чтоб тот вылетел обратно, но, разумно подумав, что может последовать за ним, да и есть хотелось не меньше других, и денег жалко же, сдержался и

пошёл закрывать дверь...

Вечером был настоящий пир. Портвейн! Ребятам казалось, что нет в мире ни чего вкуснее кильки в томате, рыбных фрикаделек, солёных огурцов, «Шахматного» печенья и карамели «Гусиные Лапки» А балтийская селёdochка с чёрным хлебушком – неопиcуемый деликатес! Наевшись и напившись, как говорится «от пуза» весь состав караула погрузился в блаженный сон...

...Не спал только Князищев, он сидел у буржуйки и добросовестно следил за огнём...

Путешествие наших героев продолжилось ещё два дня. В месте назначения их встретили, поблагодарили и, не накормив, отправили обратно в училище...

Территория

За каждым подразделением в училище закреплена территория. Если быть точнее, то это участок местности (тротуар, дорога, газон, площадка и так далее), который подразделение должно содержать. А именно, подметать мусор, листья, чистить грязь или снег, красить бордюры, косить траву, подстригать кусты. В общем, проводить комплекс работ, который, правда, с небольшой натяжкой, можно назвать современным термином – ландшафтный дизайн.

Почему с натяжкой? В основном потому, что слово «дизайн» подразумевает некое творческое начало. А в нашем

случае творчеством занимался только один человек — начальник училища, он определял каким должен быть газон, где, какое высоты, какой породы дерево должно расти, как должен выглядеть сугроб из убранного снега, какой краской красить бордюры. Остальные начальники всех рангов воплощали в жизнь его замыслы посредством курсантского труда.

Так что для курсантов закреплённая территория — это одновременно место общения и мучения, нудная, надоевшая, как горькая редька, обязанность, пропуск в увольнение и предмет гордости. Да, именно гордости. Согласитесь, учиться в заведении, где всё вокруг ухожено и обустроено гораздо приятнее, чем среди затоптанных или заросших крапивой, лопухами и кустами газонов, разбитых, грязных тротуаров и дорог, переполненных и перевёрнутых мусорных урн, заплёванных остановок. Этого «добра» можно было, вдоволь насмотреться за забором училища.

Весной и летом содержать территорию в порядке было, относительно не сложно, для этого хватало сил суточного наряда. А вот осенью и зимой уборка закреплённой территории превращалась в непрерывный, изнуряющий своей неотвратимостью и постоянством, процесс.

Территория училища, стараниями предшествующих поколений «дизайнеров» и курсантов, усажена, сильно разросшимися со временем, тополями, клёнами, берёзами и липами. В общем, во время листопада работы хватало. Иногда, собрав листья в большую кучу, мы вдруг обнаруживали, что

все наши дорожки и газоны засыпало ими вновь. Надо было начинать сначала. Это основательно нас бесило и изматывало.

К стати, однажды нам пришлось воочию наблюдать нехитрый способ борьбы с листьями. Было это в ходе подготовки к очередному ноябрьскому параду. Наш батальон жил тогда в городке учебной дивизии под Куйбышевом (ныне Самара). Между рядом казарм, в которых нас разместили, и огромным плацом располагалась небольшая, вытянувшаяся в длинную тонкую полосу, аллея. Каждое утро, выходя на строевую тренировку, мы наблюдали, как местные бойцы убирали территорию. Они скребли газоны, сгребали и уносили прочь нападавшие за ночь листья. Но, осень есть осень. Листья продолжали сыпаться с деревьев, сводя на нет, все усилия солдат. И вот в один прекрасный день ожидался приезд Командующего Войсками Военного Округа, он решил проинспектировать ход тренировок к параду. Подготовка к его прибытию шла, практически, круглосуточно. Вокруг всё чистили, драили, красили, ровняли. Но, проблемой оставались листья, они ни как не хотели опадать одновременно, а сыпались медленно и равномерно. Местным «дизайнером» для обеспечения идеальной чистоты, было принято решение устроить искусственный листопад. Для этого солдат вооружили длинными палками, которыми они сбивали с веток деревьев листья. Столь комичное действо продолжалось целый день, человек триста бойцов ходили по территории и махали

палками. На следующее утро инспекторы в ранге полковников ходили, осматривая территорию и деревья. За каждым из них передвигалась группа начальников пониже, а на некотором удалении за ними следовало подразделение солдат, вооружённое длинными дрынами. И как только полковник замечал на дереве листочек, он тыкал в него пальцем, топал ногами, кричал, ругался. Начальники пониже выстраивались в одну шеренгу, щёлкая каблуками, вытягивались в струнку и молча, краснея и хмурясь, с виноватым видом внимали полковникам. А тем временем, «вооружённое подразделение» под командой сержанта или ефрейтора наносило сокрушительный удар по упрямому листочку, сбивая его и тут же пряча в специально припасённый мешок.

Командующий приехал, но по территории не ходил. Он сразу отправился на плац, поднялся на трибуну, посмотрел прохождение парадных расчётов, сделал замечания, высказал пожелания, в двух словах подбодрил участников парада, кого-то похвалил, сел в машину и уехал...

Зимой уборка территории целиком и полностью зависит от погоды. Если снега мало, то и убрать его не составляет труда. Но, если зима выдавалась снежной, чистка дорог приобретала глобальный характер. Сначала снег при помощи скребков и лопат убирался с дорог, тротуаров, собирался в кучи и перемещался на газоны. Кучи снега на газонах росли мгновенно. И когда их высота превышала человеческий рост, начиналась работа над ними. «Дизайнер» определял,

какой формы и размера должны быть сугробы на газонах. Как правило, мы «сооружали» параллелепипеды высотой около полутора метров. Для этого сначала обрезались и выравнивались по линии бордюров края сугроба. Потом, для выравнивания верхней плоскости, снег перемещался из угла в угол, от краёв к центру. А если снега не хватало, его тащили с другого сугроба, или наоборот.

Нельзя сказать, что мы угрюмо вкалывали как рабы на плантации. Мы достаточно весело проводили время. Сбиваясь в стайки, травили анекдоты, обсуждали новости. Шутили друг над другом, толкались, кувыркались в снежных кучах. Юность всегда найдёт выход своей энергии!

С тех пор прошёл не один десяток лет. И уже став большим начальником, планируя и наблюдая работу своих подчинённых, иногда нервничая и желая порвать всех и всё в клочья, я часто вспоминал тот «искусственный листопад», солдатиков, остервенело, со смехом и матюгами лупивших по веткам деревьев, а ещё снежные параллелепипеды на газонах. И должен сказать, дурь волшебным образом проходила и начиналась спокойная, адекватная ситуации, работа.

Байки Прокопа

Кто такой Прокоп?

Полковник Прокопчук (в курсантской среде – Прокоп) – один из самых харизматичных, уважаемых и любимых кур-

сантами преподаватель, в своей служебной карьере преодолел огонь, воду и медные трубы и «под занавес», как он сам говорил – «пришёл на покой», решил заняться преподавательской деятельностью. Это был энергичный и жизнерадостный человек, иногда жестковатый и даже грубоватый в обращении с подопечными, но всё сглаживалось неистощимым, вулканизирующим чувством юмора и глубочайшим знанием своего предмета. К любой теме или виду занятия он неизменно приплетал какую-нибудь историю из реальной жизни приключившуюся с ним или его сослуживцами. И это были не просто смешные или серьёзные рассказы, это было целое представление! Происходило всё примерно так...

Курсантская группа пишет очередную контрольную. «Прокоп» в буквальном смысле мечется по аудитории и хорошо поставленным голосом декламирует:

– ... Это выглядело как в захватывающем, остросюжетном кино! Двадцатикубовый резервуар носился по складу как ракета, ровняя и сбивая всё на своём пути! Начальники и персонал разбежались как Мадагаскарские тараканы – кто куда. Резервуар снёс забор, долетел до единственной караульной вышки, упёрся в неё и остановился. Представляете, товарищи курсанты, одного ведра перекиси водорода не хватило, чтобы сбить эту самую вышку, а вместе с ней сидящего на ней и трясущегося как бетоновибратор часового! Всё стихло, но в округе появился резкий, неприятный запах. Кто может сказать, чем пахло? Вот ВЫ товарищ курсант, – он ткнул в

ближайшего, – скажите, чем там могло пахнуть?

– П-п-перекисью? – заикаясь от неожиданности и как бы с надеждой, вопрошая, ответил тот.

– А вот ни хрена вы не готовы к контрольной, дармоеды! Пахнуть там могло только экскрементами начальников и часового, а перекись водорода не имеет запаха! – он остановился и поднял палец, – И даже наоборот. Если у вас утром во рту кошки нахезали, то полоскание слабеньким раствором перекиси водорода устранил это неприятное недоразумение получше любой ментоловой водички!

Сказав это, он метался между рядами, как тот резервуар из рассказа. Походя выдёргивал шпаргалки у курсантов, кому-то давал тумака, кому-то показывал дулю, тыча ею прямо в нос:

– Вот тебе, а не списывать! Уж я вас всех! Вы у меня как часовой запахнете!

Самое удивительное, что никто не обижался. Всё справедливо, заслужил – получи.

Для справки:

Перекись водорода – химическая формула H_2O_2 , весьма нестабильное соединение, применяется в косметических, медицинских целях, а также в ракетной технике в качестве окислителя или основного энергоносителя. Вся разница в концентрации. История знает не мало случаев, когда наши женщины, по великому благу, у военных добывали пу-

зырёк заветной жидкости, превращающей их в ярких блондинок. Но вот тут то и подстерегала их беда. При попытке получить обесцвечивание волос с помощью, так называемой, «боевой» концентрации перекиси водорода (а у военных другой и не было), соискательницы красоты в результате оказывались на больничной койке и, в последующем, становились с необходимостью пожизненного ношения парика.

При попадании в перекись водорода в высокой концентрации мельчайшей мусоринки немедленно начинается изотермическая реакция с выделением тепла, кислорода и паров воды. Ёмкость, в которой находится распадающаяся жидкость или взрывается, или летает, как вышеупомянутый двадцати кубовый резервуар.

Байка первая – про находчивость солдата

...Молодым лейтенантом приехал на Окружной склад горючего. Назначили меня начальником отдела хранения специальных жидкостей. Эдакая ядовитая должность, опасно, конечно. Но при нормальном и серьёзном подходе не страшней и не трудней любой другой работы. А вот что доставило массу хлопот, так это то, что в разряд специальных жидкостей входил СПИРТ! Досталось мне целое хранилище. Вот тут-то я хлебну-у-л! Перестаньте завидовать и сглатывать слюну! Хлебнул не спирта, а горя!

Как-то стал замечать, что спирт из одной бочки потихо-о-онечку убывает. Странно. В хранилище никого не пускаю,

сам всё проверяю, каждое утро осматриваю замки, печати, окна. Всё целое, не тронутое, а спирта всё меньше и меньше. Причём убывает за один раз в размере одной бутылки и, как правило, перед праздниками или выходными. Пошёл со своей проблемой к командиру, а дело было как раз перед Майскими. Командир выслушал и решил устроить ночную засаду.

Как стемнело, тайком пробрались к хранилищу, спрятались за стоящие рядом машины и принялись ждать. Сидим не дышим. Курить хочется! А нельзя. Примерно часа через полтора, со стороны караулки к хранилищу приблизились три фигуры. Они подошли к входу, немного повозились и аккуратно, без лишнего звука... вынули весь косяк вместе с дверью, замком и печатью! Один шмыгнул внутрь, через несколько минут выскочил. Опять же молча, без звука поставили дверь на место и направились обратно. Я, было, хотел выскочить, но командир схватил за руку, зашипел. Мол, стой, не шуми.

Дождавшись, когда ночные расхитители «огненной воды» скроются из вида, вышли из укрытия и направились в караулку. А там всё очень даже здорово! Все на месте, обязанности знают, начальство глазами поедает, прям на подвиги готовы. Командир сделал вид, что ничего не подозревает и не видел, просто пришёл караул проверить и молодого лейтенанта поучить, но решил проследить и накрыть всю спиртовую Коза-Ностру разом.

Первого мая мы во главе с командиром совершили рейд в караульный взвод, обыскав все загашники начали вынюхивать каждого солдата. Нашли одну бутылку разбавленного спирта и трёх орлов с запашком. На следующий день повторили заход. Теперь нашлось два явно пьяненьких. Но вот незадача, запаха не было! Мы уж, грешным делом, подумали, что таблетки какие-нибудь. По этому пути и пошли. Один из попавшихся был санитар из медпункта, а до призыва в армию – выгнанный студент медицинского института. Пошарили там и нашли спиртовой раствор в... КЛИЗМЕ! Вот, что недоученный эскулап придумал! Решили запах спрятать. Хорошо, что эти идиоты догадались разбавить спирт водой. А представьте – чистого спиртяжки, да в задницу! Вот, оказывается, откуда взялось выражение «Пьяный в ж...»

Дверь в хранилище закрепили, и уже перед днём Победы взяли с поличным «ходоков» именно в тот момент, когда они пытались вынуть дверной косяк. В конце концов, все сознались и повинились. Они из призыва в призыв, как завещание предков, передавали эту лазейку, брали совсем понемногу. Но вот перед праздниками зачастили. Жадность сгубила!

Байка вторая – про смекалку солдата

... Проводили мы очередную зачистку резервуаров из-под спирта. Технология не сложная, но требует весьма серьёзного подхода к соблюдению мер безопасности. Во-первых, –

это специальные средства индивидуальной защиты для человека, опускающегося в резервуар. То есть, шланговый противогаз, резиновые сапоги, перчатки. Во-вторых, – режим работы. Десять – пятнадцать минут в резервуаре, и на воздух, отдыхать. В ёмкость лезет следующий. Суть работы заключается в удалении остатка жидкости и осадка. Как резервуар не опустошай, а на дне всегда останется хоть узкая, но полоска хранящегося продукта. И чем больше резервуар, тем эта полоска длиннее и, соответственно, объёмнее. В двадцатикубовом резервуаре можно и ведро наскрести. Но самое замечательное, что это относится к естественной убыли и просто списывается по акту. А как вы хотели. Жить то надо? Строить, красить, дефициты выбивать надо? Надо!

Так вот, чистим мы, значит, резервуары. Работа хорошо идёт, в сроки укладываемся. Но тут беда! Вечером у солдат пьянка. Разбираемся, оказывается, спирт пили. Где взяли не говорят, молчат как партизаны. Понятно, на зачистке. Думаем, как так? Ведь проверяем каждого бойца перед заходом в резервуар и после выхода, на изнанку выворачиваем! И нюхаем и щупаем. Не добившись признания, решили проследить за процессом.

В следующий раз наблюдали за каждым движением солдат и опять вечером пьянка. На следующий день всё-таки вычислили! Обратили внимание на то, что каждый боец, перед спуском в резервуар, одевая противогаз, обязательно сверху одевает и пилотку. Спускается вниз, начинает работать,

а для этого надо наклониться. Делает это так, чтобы пилотка упала. Он её не поднима-а-ает, а забирает только тогда, когда выбирается из ёмкости. Пилотка, пропитанная спиртом, остаётся на голове, боец быстренько выбегает на улицу, а там, в кустах, припрятана баночка. Пилотка выжимается и вот вам выпивка! С одного раза до ста грамм выносили!

Мы, конечно, дело такое пресекли, уж было обрадовались. Но в следующий раз после работы опять случилась попойка. Следили за работниками, не отрываясь, и вроде бы каждое движение фиксировали, но нет результата. Спас ситуацию командир взвода. Он заподозрил неладное, когда обратил внимание, что бойцы, собираясь на зачистку резервуаров из-под спирта, утром моют ноги. Учитывая это обстоятельство, вычислили хитрецов и в этот раз. Оказалось, они пошли на «крайние меры», спускаясь в резервуар, вставляли на колено и зачерпывали, на сколько это было возможно, голенищем резинового сапога остатки спирта. Ну а дальше схема известная – вышел, разулся, перелил добычу в припрятанную ёмкость. Ребята не были алкоголиками, они играли с нами, им было интересно нас обхитрить. Ну а вечерние попойки – это приз за удачный выпад...

Байка третья – психолого-медицинская

...Ну, господа хорошие, достали меня некоторые коллеги – попрошайки. Ходят за мной канючат, мол, налей спиртику. У кого праздник, у кого друг приехал, кому то надо что-

то добыть. А один капитан, по фамилии Наливайко, старый служака и известный у нас выпивоха, повадился ходить каждую неделю. Сначала раз в месяц просил, потом еженедельно приставать начал. И главное просит не на выпивку, как остальные, а на лечение грибка на ногах, жизни говорит, нет, так страдаю. Ну, думаю, скоро каждый день по бутылке клянчить будет. И главное, как сослуживцам отказать. Трудимся рядом, живём в одном доме, дети играют в одном дворе и в школу ходят вместе. Мне конечно не жалко, но как списывать? Да ещё командир требует, чтобы запас всегда был в заготовке. Опять придётся кому-то не доливать, кого-то просить оставить чуток. Неприятно это. А куда деваться?

Долго я вертелся как уж на сковороде. Но вот однажды, когда ко мне за спиртом обратился зампотех, а ему надо было добыть какие-то запчасти, я не выдержал и высказал всё, что думаю по этому поводу. Тот выслушал и предложил свою помощь...

В пятницу, в назначенное время к спиртохранилищу, изображая крайние физические мучения, показательно шкандыбая на «грибковых» ногах, пришёл капитан Наливайко. Послушайте, и фамилия то какая подходящая! Мы с зампотехом его уже ждали. Как обычно сначала последовал рассказ о злой, несчастной доле с описанием страданий. Зампотех послушал и говорит:

– Покажи ноги то.

Все зашли в хранилище, Наливайко усадили на табурет,

поставили под ноги полубочку (это вроде большого тазика).
– Разувайся давай, – говорит зампотех, – щас лечить тебя будем.

Наливайко разулся, снял носки. Грибок у него действительно был. И не мудрено, ноги были грязнющие, в хранилище повис запах толи тухлятины, толи дорогого сыра. Капитан, не стесняясь начал показывать свои болячки. Зампотех, молча и быстро, без суеты взял ручной насос, сунул всасывающий рукав в резервуар со спиртом, напорный в полубочку и быстренько так накачал литров двадцать. Наливайко охватил столбняк, его босые грязные ноги были по щиколотку погружены в чистый спирт!

– Мой давай, – сказал зампотех, – Лучше лечения не придумаешь. Пару сеансов и навсегда забудешь о грибках.

Деваться бедному капитану было некуда, он старательно вымыл в спирте ноги, обработал болячки. Ковырялся минут пятнадцать, понятно, время тянул.

– Ну, всё, – нетерпеливо спросил зампотех, – Закончил?
И, не дожидаясь ответа, поменял рукава насоса местами. Спирт из полубочки, в которой были вымыты Наливайкины ноги, перекочевал в общий резервуар.

Наш «пациент» молча обул свои стоптанные полуботинки и поплёлся восвояси.

Месяца четыре, пока не прибыла новая партия спирта, меня даже командир не донимал...

Байка четвёртая – про результативность и эффективность

...Учишь вас учишь, дармоедов, а толку, как с козла молока! Мы готовим из вас будущих руководителей, управленцев. А что делает управленец? Ну не трудно догадаться то. Конечно, управляет! А как надо управлять? Правильно, эффективно и результативно! А кто знает, что это такое? Понятно, пеньки кампучийские, ни черта вы не знаете. Вот послушайте анекдот на эту тему:

Идут международные соревнования по забиванию гвоздей в деревянный брус лбом. Выходит английский спортсмен. Ба-а-а-х! Лоб покраснел. Судьи проверяют результат и объявляют:

– Десять сантиметров!

– Браво! – кричат зрители.

Выходит американец. Тра-а-а-х! На лбу шишка.

– Десять сантиметров! – объявляют судьи.

– Молодец! – ликует публика.

Выходит русский Ваня. И-и-и ба-а-а-ц! На лбу кровь.

– Десять сантиметров! Первое место! – торжественно декламирует главный судья соревнований.

В зале смятение, болельщики начинают возмущаться, мол, как да за что, у всех десять сантиметров.

– Спокойно, дамы и господа, – говорит главный арбитр, – Русский Ваня забил гвоздь так же как и все – на десять сантиметров, но ... ШЛЯПКОЙ ВПЕРЁД!

Вот так то, товарищи курсанты. Цели мы достигаем не хуже других, только в отличии от них у нас после этих достижений лбы в крови...

Байка пятая – сельскохозяйственная

...Всегда и всё надо контролировать. А что бы контролировать, надо знать предмет. Ну что ты сможешь проверить и увидеть, если сам не знаешь, как оно должно выглядеть, пахнуть или работать? Вот вам пример. Проводили мы как-то экспериментальное учение с отделом хранения специального топлива нашей базы. Готовились к этому мероприятию тщательно, старались предусмотреть всё до мелочей. Особой задачей, предстоящих действий было развёртывание трубопровода для перекачки окислителя. Развернуть-то не сложно, а вот качать, мы ещё ни разу не качали. Сложность в том и заключалась, что надо было реально подать по трубам какое-то количество меланжа, а потом опорожнить их и нейтрализовать.

Ну, в общем, развернули мы этот трубопровод. Трассу для этого выбирали тщательно, но вот в одном месте пришлось положить трубы рядом с чьим-то огородом. По-другому не получалось. Да, недалеко была деревня. Прежде чем заполнить, начальник базы, разделив на участки трубопровод, послал для проверки качества сборки группу офицеров. Так вот, участок у огорода достался лейтенанту, нашему выпускнику. Вот такой же, как и вы был дармоед, учиться не хо-

тел! И что вы думаете? Просмотре-е-ел наш дипломированный инженер перекос соединительного фланца прямо рядом с посаженной картошкой! А почему просмотрел? Да по тому, что бедняга не знал, как должно выглядеть правильное соединение. А ещё он не проникся должным уровнем ответственности! Он даже не подумал о возможных последствиях, если наш меланж потечёт из трубы.

Начали перекачку. Сначала всё шло хорошо, но как только вышли на рабочий режим, резко упало давление в трубе. Что такое? Насосы выключили, процесс остановили, побежали по трубе. Конечно же, нашли утечку. И по закону подлости она произошла рядом с тем самым огородом. Пролили не много, но этого хватило, чтобы «оросить» добрую половину участка и деревянной изгороди, сооружённой вокруг него.

Что тут было! Над огородом огромное рыжее облако, народ из деревни разбежался, кто куда! Пешком, на велосипедах, лошадях, тракторах! Паника! Картофельная ботва на глазах почернела, забор просто рассыпался и превратился в кучку головешек. Пришлось всё срочно нейтрализовать, зачищать и убираться восвояси.

Хозяин огорода, старый дед, примчался к нам на телеге, кинулся на начальника базы. Ну, думали, сейчас всех кнутом исполосует! Еле успокоили. Договорились. Мы ему компенсацию выплатили, офицеры сбросились и тут же выплатили. Сто рублей содрал с нас дедушка. А мы и рады ула-

дить проблему. Если на верх просочится информация, нас порвут, как тузик грелку. Ну, в общем, замяли дело.

Но, это ещё не конец истории. Прошёл год. Неожиданно на базу, всё на той же телеге, приехал тот самый дед, в парадном костюме, с орденскими планками на груди. Привёз назад деньги, да ещё картошки, овощей, яблок. Зашёл к начальнику и говорит:

– Командир, прости ты меня за прошлый раз, дурака старого. Вот всё возвращаю и гостинцы в придачу.

– Да не обижаемся мы на тебя, дед, – ответил начальник базы, – сами виноваты, всё справедливо.

А сам, конечно заволновался. С чего это вдруг мужик решил деньги-то вернуть? И тут дед говорит:

– Сынок, дай команду, пусть твои ребята этой заразой мне огород по осени ещё раз полиют. Уж больно хорошо растёт теперь всё.

А почему, товарищи курсанты, всё хорошо росло в огороде? Кто скажет? Ну, дармоеды и есть дармоеды! Ничего не знаете, и знать не хотите! Да потому, что основа меланжа – это азотная кислота и четырёх окись азота. А потом ещё и раствором аммиака всё поливали. Это же концентрированные удобрения! Ну да, сначала всё сгорело, а на следующий год попёрло! Но предупреждаю, увлекаться этим не стоит. Азотные соединения, получившиеся в результате распада составляющих меланжа – это нитраты. А нитраты – это вредно!

Байка шестая – про шерстяные доски

...Как надо ставить задачу? Ну, кто скажет? Ну, вот вы, товарищ курсант, изреките на эту тему что-нибудь. Поднимайтесь, поднимайтесь. Будете большим начальником, вызовете подчинённого, поставите его перед собой по стойке «Смирно» и давай его грузить. А на выходе – шиш с маслом! А почему? Молчите? Та-ак, не знаете ничего, дармоед. Стойте пока. Кто поможет? Та-ак, вот вы, в дальнем углу, чо глаза-то под стол прячете? Вставайте скажите, что думаете... Говорите, задачу надо ставить кратко и ясно? Правильно. А ещё? Та-ак, реально, адресно, конкретно по времени, оптимально, хорошо. Ну, и? Ага-а, соизмеримо с целями и возможностями. Молодец, присядьте, не зря сегодня завтрак съели! А вы, товарищ курсант, что утром ели? Ка-атле-ету-у? Вкусно? Вот постойте пока, отрабатывайте вкусную котлету, бездельник! Через голову не доходит, может, через ноги прозреете, а там глядишь, и за ум возьмётесь.

Ну а что самое главное, товарищи курсанты? Главное – это убедиться, что тебя, подчинённый понял правильно, а кроме того, начальник просто обязан выяснить, как человек собирается выполнять его задачу. Понимает ли он суть вопроса и есть ли у него для этого необходимые знания и умения. Иногда руководителю приходится до мелочей всё рассказывать и показывать, как да что. Иначе никак! Иначе в результате получите шерстяные доски! Что, не знаете про шерстяные дос-

ки? Не бывает таких, говорите? Бывает! Вот послушайте...

Служил я на базе в Туркмении. В то время мы готовились к большой и серьёзной проверке. По служебным вопросам всё было понятно и ясно, необходимые работы организованы, люди мобилизованы... В общем, все старались и надеялись на успех. Комиссия ожидалась на неделю. На базе была небольшая гостиница для приезжих с маленьким обеденным залом. Вот, впрочем, и всё. Вокруг базы, на десятки километров ничего интересного, одни холмы да барханы. Чем развлекать проверяющих? Этим-то вопросом и задался наш командир.

Общими усилиями узнали, кто к нам едет, что они любят, на что внимание обращают. Надо понимать, дорогие мои, что это нормальная предварительная работа при подготовке к любой проверке. Следует прогнозировать, что тебя ждёт, тогда и меры заблаговременно принять можно, дабы исключить неприятности. Осведомлён, значит вооружён! Это не я сказал, товарищи курсанты, а Юлий Цезарь.

В общем, нам стало доподлинно известно, что председатель комиссии полковник Гоголидзе очень любит попариться в баньке. Всё понятно, вот только баньки у нас не было. А как быть? Время мало, чуть больше месяца. Подходящее помещение нашли в технической зоне, надо было только оборудовать и обшить деревом. И если газовый котёл и всё что к нему полагается, нашли сразу, то вот с досками образовался затор. Ну, нет нигде подходящего материала!

Командиром хозяйственного взвода у нас был прапорщик Яценко – человек полностью соответствующий названию занимаемой должности. Он и в самом деле был настолько хозяйственным и деловитым, что, казалось, нет таких проблем и задач, которые он не смог бы решить. В нём причудливо сочетались, достойная примера, добросовестность в отношении к делу, природная изворотливость и пронырливость. Короче, учитывая его личные качества, командир возложил на него самую сложную задачу – строительство бани с парилкой.

Работа закипела, подвели газ, оборудовали душевые, огородили территорию, построили навес, а под ним небольшой бассейн, достали неплохую мебель для отдыха. Не решался только вопрос с досками. Яценко, с благословения командира, взяв грузовую машину, затарившись спиртом, несколькими бочками с маслами и бензином, отправился на поиски. Не было его несколько дней, и вот, когда уже начинала гаснуть надежда, он вернулся на автомобиле, доверху гружёном различными пиломатериалами. Добыл-таки!

Работы по строительству бани завершились в последний день, так что опробовать не успели. Решили использовать этот факт, как фишку, мол, проведём торжественное открытие, а право «перерезать ленточку» представим председателю комиссии. На том и порешили.

Вечером следующего дня командир повёл Гоголидзе и его спутников в баню. А там красота! Яценко потруился на сла-

ву! Всё новенькое, чистенькое, красивое, запах свежеструганных досок дурманит голову. Стол накрыт не хуже, чем в Метрополе! И простынки беленькие и свежее бельё с носочками, всё как учили! Венечки запарены. И даже специальные дощечки – сидушки для гостей сделаны. Это чтобы в парилке на них сидеть и не обжечь причинное место, понимаете, товарищи курсанты, доски-то горячие. Что тут скажешь, всё продумано!

Гоголидзе восхищается, командир доволен, как танк. Разделись, расслабились, остограмились и в парилку...

Зашли, разместились. Первый заход, сидят, греются. Командир рассказывает какими усилиями построено сие столь ценное и нужное заведение... Всё было просто супер... до тех пор, пока не решили выйти...

Первым попытался подняться майор из комиссии, который встал и вдруг воскликнул:

– Ой! Что это? – он пытался оторвать от своего зада дощечку – сидушку, – Она приклеилась!

Тут командир, до этого говоривший без умолка прикусил язык, у находящихся в парилке, напряглись лица. Начали потихоньку проверять свои дощечки. Результат у всех был одинаков – сидушки как пластырь прилипли к задницам...

Здесь, товарищи курсанты, я должен уточнить одну интимную подробность. Знаете, что среди индивидуумов мужского пола бывают особо brutальные экземпляры. Я имею в виду повышенную степень волосатости. Так вот, что пред-

седатель комиссии, что командир, оба относились именно к этим, особо брутальным, то есть отличались ярко выраженным волосяным покровом тела. У одного и у другого волосы густо росли везде, на плечах, спине, я уж не говорю о груди, и, конечно же, на том месте, на котором сидят. Правда, Гоголидзе был более волосат. По этой причине командиру и полковнику пришлось сначала отрываться от обшивки полков, потом все вместе с дощечками на задах вышли в предбанник, где, в порядке взаимопомощи, начался процесс эпиляции. Говоря простым, не литературным языком, наши любители бани отрывали друг у друга доски от задниц. Причём, вся поросль волосатая оставалась на этих самых дощечках! Кожа на ягодицах у всех стала розовой и чистой, как у младенцев.

«Так в чём причина?» спросите вы. Вот тут то и скрывается самое интересное! Возвращаемся к изначальной теме. Командир прапорщика озадачил, но не уточнил для себя, знает ли тот как делается парилка и каким материалом следует её обшивать. Вот добросовестный Яценко, достав на какой-то станции свежие сосновые доски, и употребил их в дело. А сосна при нагреве что делает? Выделяет смолу! Вот она-то родимая и послужила тем самым клеем.

Злоключения наших героев на этом не закончились. Освободившись от прилипшей древесины и части своих волос, они замотались в простыни и уселись пить чай с коньячком. Но вот стереть с себя смолу не допёрли! Через минут

сорок собрались было одеваться, а в парилку больше не пошли, так теперь и простыни приклеились. Опять эпиляция! Что ха-ха, товарищи курсанты? Вот вы смеётесь, а мужикам плакать хотелось! Особенно командиру...

Гоголидзе свою сидушку покрытую его волосьями как шерстью взял себе, сказав при этом:

– На память возьму. Да и жене придётся объяснения давать, почему у меня задница лысая и розовая как у макаки. Заревнует ещё. А так, есть доказательство! – а потом, ухмыльнувшись, добавил, – А ты, командир, свою шерстяную доску тоже возьми и на видное место в кабинете повесь. То же – на долгую память...

Байка седьмая – про сообщающиеся сосуды

...Строим склад. Установили резервуарную группу, ну скажем из двух десятков двадцати пяти кубовых ёмкостей. Что надо сделать дальше? ...Та-ак, опять ничего не знаете. Ну, дармоеды? ... Закручивайте свои прямые извилины, закручивайте. Что говорите? Покрасить? А что покрасить, резервуары или траву вокруг них? Трубопровод? Правильно, товарищи курсанты, надо сделать обвязку этих резервуаров системой трубопроводов. Обращаю ваша внимание на то, что обвязка эта должна быть продуманной. А почему? Во что превращаются наши резервуары с обвязкой? Ну вот вы товарищ курсант, что щемитесь за широкой спиной отличника? Мне что, подойти за ухо вас приподнять? Ага, на-

конец-то соизволили задницу от стула оторвать! Ну, говорите... Чё мычите то? Не знаете? А в школе по физике что было? Пяа-а-ать?! А про закон сообщающихся сосудов проходили? ... А? ... Проходи-и-или. Ну, наконец-то, догадались о чём идёт речь. Да, товарищи курсанты, обвязанные в единую систему резервуары, превращаются в сообщающиеся сосуды. Всё просто. Вот я вам сейчас расскажу, что такое сообщающиеся сосуды. А вы, физик-пятёрышник, постойте, послушайте и потренируйте соображалку-то свою.

... Давно это было. Служили в нашей части два прапорщика. Один здоровый, рослый и толстый, а другой маленький, тщедушный такой, худющий, как велосипед. И были они, я вам скажу, заклетыми друзьями. Ну, это когда друг без друга не могут, а соберутся вместе, так один другому старается нагадить и удовольствие от этого получить. В общем, оба были хороши. Использовали любую возможность поиздеваться над товарищем. Так мы их и звали – Толстый и Тонкий, как клоунов. И вот как-то были мы на учении. Далеко ездили, всё прошло нормально. Возвращались домой эшелоном. На одной из узловых станций объявили длительную стоянку, разрешили выйти из вагонов, размяться. Состав остановили на пристанционных путях, необорудованных перроном, насыпь высоко-окая. Слезать не удобно, того и гляди – загремишь под откос. Первый вышел Толстый, помог кому-то спуститься. Тут в проходе появляется Тонкий. Толстый подставляет ему плечо, подаёт руку и когда тот подался вперёд, что бы

опереться на товарища, резко сделал шаг в сторону. Тонкий, взвизгнув и матюгнувшись полетел вниз. Но Толстый именно этого и ждал, проявив неожиданную прыть, он перехватил друга сзади за пояс, придержал и приподнял его вверх, не дав упасть, но и на ноги встать не позволил. Тонкий, на мгновение зависший в полёте, ко всеобщему удовольствию, молотил воздух всеми четырьмя конечностями. Народ дружно ржал над приключением. Минут через сорок Толстого приспичило в туалет. А там рядом стоял деревянный при- вокзальный двух местный сортир. На одной двери красной краской написано «Жэ», на второй «Мэ», всё как полагается. Открываешь дверь, а там, известное дело что, очко в деревянном полу. Толстый зашёл в кабину, закрылся на крючок, уселся и принялся за дело. Тонкий подошёл к туалету, постучал в дверь.

– Занято! – кричит Толстый.

– Ну вот и хорошо, ну, вот ты и попался, – с явным удовольствием произнёс Тонкий.

– Ха, что ты мне сделаешь? Может задницу подотрёшь? – издевательски, но с натугой прокряхтел толстый.

Тонкий хитро ухмыльнулся, достал из кармана взрывпакет, поджёг его, открыл дверь соседней кабины и бросил его в очко. Он хотел напугать своего друга. Но, безграмотный, не учёл закон сообщающихся сосудов! Двери и дырки были разные, а резервуар-то один! ...

Раздался глухой хлопок, как будто лопнул детский шарик,

только эффект при этом, был отнюдь не детский. Всё содержимое выгребной ямы поднялось и устремилось вверх! Толстый, в той же позе, как сидел на очке, со спущенными штанами, лбом выбил дверь и, весь в дерьме, вывалился наружу. Тонкому повезло больше, он так и остался стоять у открытой двери, глядя в тёмную дыру. По его лицу и груди стекали фекалии, ко лбу прилип почтовый конверт. Наверное, когда-то, кто-то письмо, читал?

Когда толстого отчистили и переодели, он кинулся искать Тонкого, но тот так затаился, забившись, куда-то в щель, что до возвращения домой его так никто и не увидел...

Вывод, товарищи курсанты, обвязку резервуаров надо делать так, чтобы в любой момент можно было отсечь любой из них поворотом задвижки, использовать их как по отдельности для хранения разных нефтепродуктов, так и группами.

Ну, что, пятёрышник? Поняли, что такое сообщающиеся сосуды? Запомнили? ... Так то-очно... Сади-итесь, Ландау вы наш...

Полковник Додик

Своевременное и смелое решение

Было это во время так называемого Вьетнамо – Китайского конфликта. Та непонятная война неожиданно началась и так же неожиданно закончилась, Китайцы прекратили боевые действия и вывели свои войска. Кроме героической

стойкости вьетнамских солдат, этому способствовали и действия Советского руководства, продемонстрировавшего решимость в применении вооружённой силы против агрессора.

Танковый полк под командованием полковника Додика, дислоцирующийся на территории Монголии, получил задачу выдвинуться к Китайской границе и под видом учения провести ряд демонстрационных действий.

Всё шло своим чередом, колонны подразделений полка продвигались вдоль границы. Неожиданно поступил доклад от разведчиков. Оказалось, что вдоль кромки границы, на всём протяжении маршрута с Китайской стороны развернуты самоходно-артиллерийский дивизион и пехотный полк. Военные сопредельного государства явно готовились к открытию огня. Командир полка оказался перед выбором – действовать немедленно по обстановке или доложить командиру дивизии и ждать его указаний. Всё-таки возобладало командирское, учитывая ситуацию, полковник Додик принял решение...

– Внимание, полк! – прозвучало в радиоэфире, – Противник справа. Все вправо! На рубеж Государственной Границы, вперёд!

А в штаб дивизии доложил:

– Обнаружил противника, имитирую атаку! – ну и дальше подробности...

Командир дивизии – номенклатурный генерал, оторопел,

услышав такой доклад, несколько минут приходил в себя. После осмысления происходящего он испугался. Нет не начала третьей мировой войны, а ответственности. Он живо представил, как его будут «драть» в округе, а может и в Москве! Карьера конец! Подумав об этом, он истошно заорал в эфир:

– Стой! Додик, Стой! Назад!

Но было уже поздно, полк в боевых порядках, на хорошей скорости быстро преодолел несколько километров монгольской степи и вышел на линию границы. В довершение ко всему танкисты употребили свой излюбленный ход, применяемый на показательных учениях с целью предания наибольшего эффекта – по общей команде все три танковых батальона, атакующих в первом эшелоне, при выходе на рубеж, одновременно дали залп холостыми выстрелами. Грохот разнёсся далеко по степи...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.